

К КОММУНИЗМУ!
ОГОНЁК
№ 5 ЯНВАРЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Музыка Б. МОКРОУСОВА. Слова А. ЧУРКИНА.

Мы славим тебя

Широки вы, просторы родные,
Высоки над страной небеса,
И под ветром шумят вековые
В разноцветном убранстве леса. } 2 раза.

Сколько силы в бескрайнем просторе,
Как могуча народов семья!
И от моря гремит и до моря
Легендарная слава твоя.

Мы славим тебя,
Наша родная земля!
Нам ярко горят
Алые звезды Кремля.

Путь широкий открыт перед нами,
Имя Ленина в сердце живет.
Окрыляет нас партии знамя
И ведет к коммунизму вперед. } 2 раза.

Так цвети ты привольно и вечно,
Всенародного счастья земля,
Как течение рек, бесконечна
Величавая песня твоя.

Мы славим тебя,
Наша родная земля!
Нам ярко горят
Алые звезды Кремля.

Обложка работы Б. В. ВАСИЛЬЕВА.

ОГОНЁК № 5 (1650) 25 ЯНВАРЯ 1959

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Привет делегатам XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза!

От героических ленинградцев

Вот стоит окруженный товарищами Владимир Горюнов, делегат двадцать первого съезда, рядовой сын партии коммунистов.

Вальцовщик Ижорского завода, он пришел в прокатный цех четверть века тому назад и еще до войны стяжал добрую славу передового рабочего. В войну случилось так, что однажды утром немцы, подойдя к заводскому порогу, отрезали Горюнова от родного цеха. Вместе со всей семьей рабочий стал пробираться пешком к партизанам. Он нашел их в белорусских лесах и до полного освобождения Белоруссии дрался с врагом.

Орден Красной Звезды, орден Славы, медаль «За отвагу», медаль «Партизану Отечественной войны» — это боевые награды ижорского рабочего Горюнова.

Золотая медаль Героя Социалистического Труда, орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени, медаль «За трудовую доблесть», медаль «За трудовое отличие» — это трудовые награды бывшего партизана Горюнова.

Недавно он выступал на Ленинградской областной партийной конференции.

— Наш завод немного моложе Питера,— сказал он.— Но сейчас, стряхивая с себя старость, он идет в гору. К концу семилетки наш завод станет самым молодым гигантом тяжелого машиностроения!

Так, с мыслью о вечной молодости поседевшего в трудах и боях завода, едет в Москву, на съезд, коммунист Горюнов.

На снимке: товарищи поздравляют В. А. Горюнова с избранием делегатом на XXI съезд КПСС.

Фото Б. Уткина.

От борцов за высокие урожаи

С утра не закрываются двери в маленьком уютном домике, что стоит на краю села Кодаки, прямо у дороги на Васильков и Киев.

Хозяйка дома Ольга Климовна Диптан занята сегодня как никогда. Еще бы! К ней, секретарю парторганизации колхоза имени Ильича, избранной делегатом двадцать первого съезда партии, заходят люди, чтобы пожелать счастливого пути, потолковать, посоветоваться. Да и самой Ольге Климовне, звеньевой колхоза, нужно дать какие-то распоряжения.

Избрание Ольги Климовны делегатом XXI съезда КПСС колхозники встретили с особой радостью, видя в этом высокую оценку и своего труда.

Много лет подряд звено О. К. Диптан выращивает высокие урожаи сахарной свеклы — 606, 611, 638 центнеров с гектара!

— Преобразования в сельском хозяйстве, проведенные партией за последние годы,— говорит Ольга Климовна,— дали превосходные результаты. И теперь пора говорить о перестройке звена в колхозах, занимающихся выращиванием технических культур. Звенья должны быть укрупнены, им должна быть выделена техника, закреплены кадры механизаторов. Я еду на съезд партии, уверенная в том, что скоро будет создано изобилие сельскохозяйственных продуктов. Хочется работать еще больше, еще продуктивнее, чтобы мы могли поскорее догнать Соединенные Штаты Америки.

На снимке: Ольга Климовна Диптан беседует с членами своего звена.

Фото Н. Козловского.

ВОЖДЬ И СЛУГА НАРОДА

Николай ГРИБАЧЕВ

На исходе прошлого года, необыкновенно богатого оптимистическими событиями и добрыми надеждами, мне довелось увидеть диаграмму роста советской экономики в семилетке. Красные линии, летящие вверх, казались ракетными трассами. В начале наступившего года ушла к Солнцу первая в мире космическая ракета; крутой, хорошо рассчитанный путь ее напомнил линию нашего роста на диаграмме. Можно быть абсолютно уверенным, что два эти явления неизбежно свяжутся воедино в сознании и советского человека, и иностранца, и современника, и потомка. Почему? Из любви к эффектным образам? Нет, потому, что, в сущности говоря, и сам Советский Союз как первое в мире социалистическое государство — это тоже гигантская лаборатория нового социального опыта и творчества. Наверное, в мире найдется немало людей, которые, как фанатик за улыбку живого Будды, готовы отдать половину жизни за секрет горючего, работающего в советских ракетах. Но еще больше в современном мире людей, которые понимают, что действительная энергия, двигающая и ракету к Солнцу, и наши поразительные планы к их осуществлению, и человека к достойной его жизни,— это энергия целеустремленной, предельно напряженной и превосходно организованной деятельности Коммунистической партии Советского Союза.

Называя Коммунистическую партию великим вождем советского народа, организатором наших изумительных побед, мы нисколько не преувеличиваем, но отмечаем этим только часть бесспорной истины. Кстати говоря, западные журналисты из числа наиболее жуликоватых и политики из числа наиболее нечистых на руку очень любят подчеркивать роль партии в нашей жизни. «Посмотрите, у них правят большевики!» — кричат они на всех перекрестках. И мы как-то подчас забываем напомнить им хорошую крыловскую фразу: «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?». Правда ведь состоит в том, что и во всех капиталистических странах, в том числе в Америке, Англии, Франции, Западной Германии, у власти тоже стоят политические партии.

Нет, дело не в том, что у власти стоят партии,— это практика всего современного мира,— а в том, какие это партии, каковы их программы, кому они служат. Пройдет десяток — другой лет, и многие ныне правящие буржуазные партии, сделавшие своей специальностью обслуживание капитализма, выродятся и исчезнут, развеются, аки дым, поскольку свои отношения с народом они строят на обмане, на политическом иллюзионизме и словесном фокусничестве.

Из всех партий современного мира только коммунистические и рабочие партии, верные учению марксизма-ленинизма, ведут подлинно созидательную работу, работу, являющуюся поистине величайшим чудом двадцатого века. Наша партия первой основала свой подход к общественной жизни на строгой научной теории, она у нас единственная — и подлинный вождь народа и его самый верный и бескорыстный слуга; она единственная, выдвинувшая и породившая легендарных героев современности. Герберт Уэллс, назвавший ленинский план электрификации утопией — даже у этого фантаста не хватило фантазии представить ближайшее будущее,— все же понял и признал, что в разоренной, поставленной на грань катастрофы России единственной созидательной силой, способной спасти страну, являются коммунисты.

По тому времени и для англичанина это было и мудростью и мужеством. Но живая история показала, что грандиозные задачи, показавшиеся Герберту Уэллсу утопией, были для нашей партии лишь половиной дела в лучшем случае: за четыре десятилетия под ее руководством не только совершилась грандиознейшая из революций — выиграна битва с фашизмом, создано мощнейшее, просвещеннейшее, передовое в науке, в искусстве, в этике и морали государство мира. Деятельность Коммунистической партии нашей, ее ум и неукротимая энергия привели к тому, что изменилась политическая карта мира, возник, укрепляется и победоносно развивается гигантский лагерь социализма на неоглядных просторах Европы и Азии. Под непосредственным воздействием идей Коммунистической партии и ее практических свершений поднялась на победоносную национально-освободительную войну и сбросила колониальное рабство Азия, ведут ожесточенную борьбу за свою свободу народы Африки. Буржуазные партии, с трухой и кислым винегретом их политических программ, не решили и не могли решить ни одной исторически прогрессивной задачи, не вылечили и не могут вылечить своего подопечного больного — капитализм. Наша Коммунистическая партия, как горьковский Данко, собственным сердцем осветила человечеству новый путь к свободе, переделала и переделывает климат мира, и нет на земле ни одного объективного, не ослепленного злобой человека, который бы не понимал историческую грандиозность и величие этого подвига!

А ведь все это Коммунистическая партия свершила, идя в буквальном смысле слова сквозь волчий вой и револьверный лай, поначалу в одиночестве атакуя созданную веками и хорошо, до зубов вооруженную цитадель капитализма.

Теперь мы уже не одни и вышли на такие высоты, откуда нас не столкнуть и не потеснить: это было бы опасным занятием в первую очередь для тех, кто на такую попытку рискнул бы. Теперь в историческом масштабе мы набрали такую скорость, что уже мир капитализма, еще недавно кичившийся в малооправданной спеси своими достижениями, мучительно подумывает над тем, как бы ему в одном нас догнать, а в другом от нас не отстать.

Пусть поразмышляют.

Мы спокойны и уверены, потому что под водительством партии проверили свои силы в боях, трудах, творчестве, отточили наш ум в познании и прозрении. «Семиступенчатой ракетой» назвала советскую семилетку буржуазная пресса, и можно не сомневаться, что эта «ракета» выйдет на заданную орбиту и высоту.

Съезды партии всегда были для нашей страны, для нашего народа совещаниями штаба в канун больших народных дел. Двадцать первый отличается от всех предыдущих двадцати тем, что он предвещает для нас самую великую победу в стране и в мире — практический переход от социализма к коммунизму.

И за все это сердечнейшее спасибо нашей Коммунистической партии — легендарному вождю и преданнейшему слуге народа!

Делегат с Тракторного

— Вот наш делегат Михаил Ефимович Лаптев,— познакомили нас с человеком в рабочей спецовке.

Поздоровавшись, мы невольно задержались взглядом на его руках — они совсем не были похожи на руки человека физического труда.

— Тонкая работа у нас, у лекальщиков,— пояснил, заметив наше удивление, Михаил Ефимович,— дело имеем с микронами.

Большую трудовую школу прошел Лаптев. Мальчиком, окончив ФЗУ, начал он работать на Челябинском тракторном и вот уж много лет ремонтирует сложные измерительные приборы. Точный глаз и особая чувствительность пальцев играют большую роль в его профессии. Еще до войны Михаил Ефимович окончил школу-десятилетку, а позднее—двухгодичные курсы технологов, но своей профессии менять не стал.

Передового производственника, активного участника общественной жизни Михаила Лаптева коммунисты Тракторного пять лет подряд избирают в состав своего партийного комитета. Ныне Михаил Ефимович— делегат коммунистов Челябинской области на XXI съезд КПСС.

Т. ТРОИЦКАЯ
Фото А. Узляна.

Знатный строитель Рязани

В Рязань часто приходят письма, адресованные Анне Ивановне Илларионовой — бригадиру маляров. Ей пишут недавние ученики и товарищи по работе из Свердловска, Москвы, Новочеркасска. Всюду, где работала прежде Анна Ивановна, остались у нее воспитанники и друзья.

На стройках Рязани бригада Илларионовой прославилась тем, что первой в городе освоила новый метод — окраску по непросушенной штукатурке. Вначале у маляров было немало разочарований, срывов, неудач, нередко приходилось задерживаться на работе по десяти—двенадцати часов. Зато теперь малярные работы ведутся в течение круглого года.

В прошлом году за выдающиеся производственные достижения Анне Ивановне Илларионовой было присвоено звание Героя Социалистического Труда. На днях на областной партийной конференции коммунисты Рязанщины избрали ее своим делегатом на XXI съезд партии.

С. ЦАМАДОС

А. И. Илларионова (справа) и член ее бригады В. Митронина.
Фото В. Ерохина.

Адольф Таалберг—бригадир проходчиков

— Будем ежедневно проходить 5,5 метра штрека вместо 4,26 метра по норме. Это позволит выполнить семилетнее задание за пять с половиной лет!

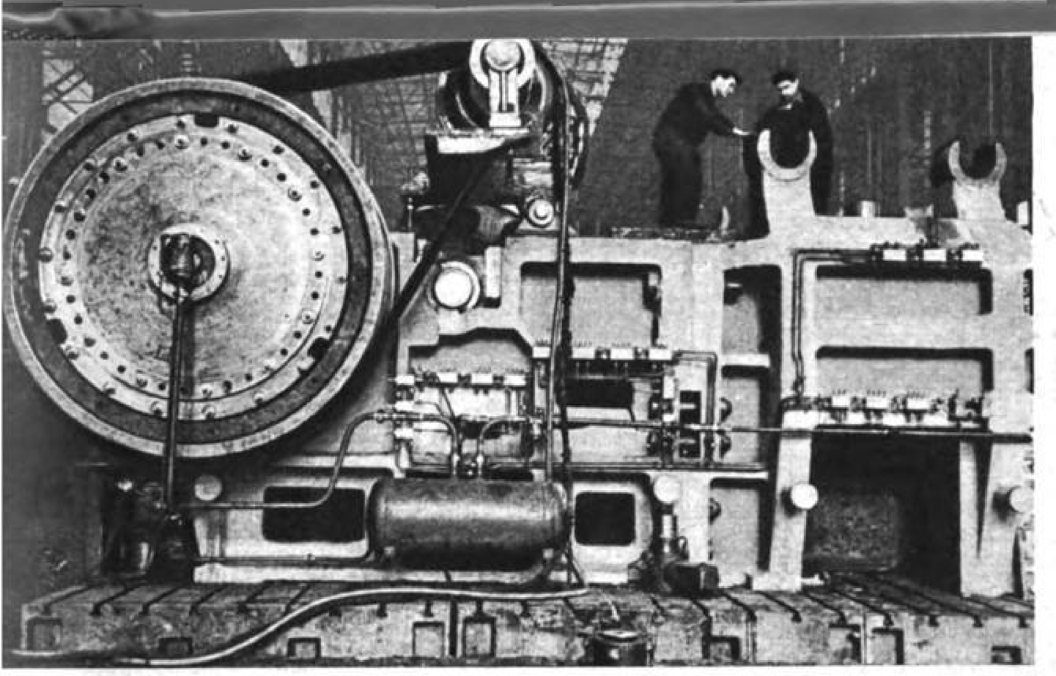
Такое обязательство взяла на себя бригада молодого коммуниста Адольфа Таалберга на шахте «Кукрузе» в эстонском сланцевом бассейне. Все члены этой первой в республике бригады коммунистического труда решили также получить среднее техническое образование. И в декабре и в январе они изо дня в день перевыполняют задания.

Бригадир Адольф Таалберг в свои 29 лет успел пройти большой трудовой путь. Начав трудиться на шахте помощником взрывника, он стал бригадиром, его избрали депутатом Верховного Совета СССР.

— Работать и учиться трудновато, конечно, но мы стараемся всюду поспевать,— рассказывает он.— Жизнь у нас в бригаде кипит. Недавно праздновали шахтерскую свадьбу: женили нашего мастера-горняка Эльмара Кониста.

На XI съезде Коммунистической партии Эстонии Адольф Таалберг избран делегатом на XXI съезд КПСС.

И. ВАСИЛЬЕВА
Фото Ф. Ключника.

← **НОВАЯ ГОРИЗОНТАЛЬНО-КОВОЧНАЯ МАШИНА** давлением в 2 тысячи тонн изготовлена машиностроителями Ново-Краматорского завода в честь XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Фото С. Гендельмана. (ТАСС).

День за днем

К XXI СЪЕЗДУ КПСС МОСКОВСКИЙ ПАТЕФОННЫЙ ЗАВОД выпускает несколько сот любительских звуковых проекционных аппаратов нового образца. Новые аппараты компактны, портативны. Ими можно пользоваться прямым включением в электросеть. На снимке: слесарь-сборщик В. Маяков регулирует новый аппарат.

Фото А. Стрижкова и Р. Федорова.

ПЕРВУЮ ПАРТИЮ НОВЫХ ЛЕГКОВЫХ МАШИН «ЧАЙКА» выпускает к XXI съезду КПСС Горьковский автомобильный завод.

Автомобиль «Чайка» имеет 8-цилиндровый двигатель, кнопочное переключение скоростей и другие усовершенствования. Сейчас новая машина проходит дорожные испытания.

Фото М. Ошуркова.

ПЕНСИОНЕРА ДМИТРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ДЕРЯБИНА, героя гражданской войны, на днях чествовали в Орловском Дворце культуры железнодорожников.

В годы боев за молодую Республику Советов он прошел славный путь от рядового красногвардейца до командира Красной Армии. 7 мая 1922 года приказом Реввоенсовета № 116 «за отличие в боях с вражескими контрреволюционными войсками» Дмитрий Александрович Дерябин был награжден орденом Красного Знамени. В то время из-за ранения и последующей болезни он не смог получить награду.

Приказ о награждении был обнаружен недавно в архиве Советской Армии.

На снимке: генерал-майор Голубев вручает Д. А. Дерябину орден Красного Знамени.

Фото В. Щеголева.

21 САМОХОДНЫЙ КОМБАЙН В ПОДАРОК XXI СЪЕЗДУ КПСС собрали во внеурочное время комсомольцы Ростовского завода сельскохозяйственных машин. Одной из первых закончила обработку деталей для комсомольских комбайнов шлифовщица Ирина Крысалова.

Фото В. Турбина. (ТАСС).

Москва, Кремль. 19 января 1959 года. Прием Н. С. Хрущевым делегации руководящих работников народных советов Польской Народной Республики во главе с заместителем председателя Совета Министров ПНР Зеноном Новаком.

Фото А. Устинова.

← **БЕСЕДА ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР А. И. МИКОЯНА С ПРЕЗИДЕНТОМ США Д. ЭЙЗЕНХАУЭРОМ.**

На снимке (слева направо): Д. Эйзенхауэр, посол США в СССР Л. Томпсон, посол СССР в США М. А. Меньшиков, А. И. Микоян, государственный секретарь США Джон Фостер Даллес.

Фото Ассошиэйтед Пресс.

РАСТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРЕСТИЖ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, укрепляются ее связи со странами мира. Прекрасным выражением этой растущей популярности молодого рабоче-крестьянского немецкого государства явилась поездка по странам Азии и Африки правительственной делегации ГДР, возглавляемой премьер-министром Отто Гротеволем.

Делегация посетила ОАР, где Отто Гротеволь имел беседы с президентом Насером, в ходе которых было достигнуто соглашение о расширении сотрудничества между обеими странами. Премьер-министр ГДР был награжден орденом «Ожерелье Нила».

Затем делегация посетила Ирак, Индию. В Дели Отто Гротеволь встретился с руководителями правительства Индии и имел с ними продолжительные дружеские беседы. Делегация совершила поездку по стране, и всюду народ Индии горячо приветствовал посланцев миролюбивого государства.

После этого Отто Гротеволь и сопровождающие его лица отбыли в столицу Вьетнама Ханой, чтобы затем посетить Китайскую Народную Республику.

На снимке: встреча Отто Гротеволя (крайний слева) в Нью-Дели.

ЧЕХОСЛОВАКИЮ ПОСЕТИЛА ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ АЛБАНИИ.

На снимке: Первый секретарь ЦК Албанской партии труда НРА Энвер Ходжа (слева) и Первый секретарь ЦК КПЧ и Президент Чехословацкой Республики Антонин Новотный.

Фото ЧТА.

ИЗВЕСТНЫЙ БОРЕЦ ЗА СВОБОДУ АФРИКАНСКИХ НАРОДОВ ПРОФЕССОР УИЛЬЯМ ДЮБУА И АМЕРИКАНСКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА ШЕРЛИ ГРЕХЭМ выступили на собрании московской общественности. Собрание было посвящено конференции народов Африки, которая проходила в столице Ганы — Аккре. В единодушно принятой резолюции собрание решительно осудило расправу колонизаторов над населением Бельгийского Конго.

На снимке: Уильям Дюбуа (справа в первом ряду) и Шерли Грехэм в президиуме собрания в Политехническом музее. ↓

Фото О. Кнорринга.

← **ЭТА ВИТРИНА С ОБРАЗЦАМИ ПРОДУКЦИИ КИТАЙСКОГО ЗАВОДА АНТИБИОТИКОВ** прислана на днях из города Шидзячжуана в Москву.

Завод в Шидзячжуане спроектирован и построен с помощью Советского Союза. В освоении производства антибиотиков в Китайской Народной Республике активно участвовали наши специалисты. Одновременно в Москве, на заводе медицинских препаратов № 2, проходили практику китайские рабочие, инженеры и техники. На витрине из флаконов выложены китайские иероглифы слова «дружба». Это же слово на русском языке и голуби мира вышиты золотом.

СПЕКТАКЛЬ «ТРЕТЬЯ ПАТЕТИЧЕСКАЯ» Н. ПОГОДИНА в постановке М. Кедрова подготовлен к XXI съезду партии коллективом МХАТа. В роли В. И. Ленина — Б. Смирнов.

Фото А. Гладштейна.

СТРОКА ИЗ ТЕЗИСОВ

«УВЕЛИЧАТСЯ МОЩНОСТИ... СИНАРСКОГО И ЧЕЛЯБИНСКОГО ТРУБНЫХ ЗАВОДОВ...»

(Из тезисов доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.)

А. СТАРКОВ

У Челябинского трубного, подобно многим уральским заводам, два возраста. Как бывший Мариупольский, он скоро отметит тридцатилетие. А под небом Челябинска, приютившего его в войну, живет семнадцать лет. Начинал с одинокого прокатного стана, вывезенного с юга, да с наспех сколоченного барака, половину которого отвели под заводскую контору, а другую половину — под жилье эвакуированных.

И вон в какую махину вымахал! Я гляжу на него и дивлюсь. Я смотрю на завод, склонившись над столом в одной из комнат московского Гипромеза. Проектировщики знакомят меня с планом реконструкции и расширения завода. Они показывают чертеж, исполненный в две краски. Синие прямоугольники — существующие цехи. Красные — те, что должны быть построены в семилетку. Красный цвет преобладает над синим.

Завод, объяснили мне, и сейчас не из малых. А превратится в «трубную Магнитку». Хотя это не совсем точно сказано. В общесоюзном балансе выпуска труб ему предстоит сыграть бóльшую роль, чем Магнитке в производстве металла.

Оглянитесь вокруг себя. Всюду трубы, это простейшее и в то же время гениальное изобретение человека. Воду, пар, нефть, природный газ несут они нам. Жизнь без них была бы весьма затруднительной. Без трубы и в космос не взлетишь...

Ох, как много нужно нам всяких труб! Челябинцы будут получать их самыми разными способами. Вот на чертеже среди нескольких огненных брусков — сине-красный. Трубоэлектросварочный цех. Гордость уральцев.

Трубы идут отсюда на строительство магистральных газопроводов, которые растягиваются обычно на сотни, а то и на тысячу и больше километров. Например, Ставрополь — Москва. Или того дальше: Бухара — Свердловск. По узенькому горлышку газ на этакую даль не подашь. Нужна тут труба большая, чуть не в метр шириной. А такую, да еще с тонкой стенкой, трудно получить из слитка. То есть цельную, без шва... Газовые трубы формуют из широких стальных листов. А как кромки соединить? Нагревали их на газовых горелках, и по расплавленному металлу — молотом! Внахлестку, старинным кузнечным способом. Сваривали так трубы на Харцызском заводе в Донбассе. Невыносимая была работа! Человека обдает нестерпимым жаром. Шум от горелок такой, что за три версты слышно. А темпы? Шесть коротких труб за день...

А в стране то тут, то там находили все новые и новые месторождения природного газа. И росла потребность в трубах широкого диаметра. Со всех сторон атаковали Харцызский завод. А что он мог поделать? «Труба» ему была с этими трубами, пока не вмешался старый Патон, пока не предложил трубникам автоматическую свою электросварку под слоем флюса. Ухватились заводские товарищи за эту идею. Хотя и высказывал им кое-кто сомнения: будет ли шов, сваренный электрической дугой, достаточно прочен? Выдержит ли он давления, которые возникают внутри газопровода? Расчеты показывали, что выдержит.

Создан был стан-автомат, варивший трубы в две электрические дуги. Ого, как дело пошло!.. Скорость! Да и заготовки автомат брал гораздо длиннее тех, что сваривали на горелках. Это сразу же почувствовали на трассах строящихся газопроводов. Туда начали поступать трубы длиной не в шесть метров, а в двенадцать. И это, конечно, вдвое облегчило труд сварщиков, соединяющих трубы в единую «нить»... Автомат Патона многое за собой потянул. Нужно было изменять и самую формовку трубы. Прежде стальной лист гнули не торопясь, на вальцах. За газовыми горелками они вполне поспевали. Темпы же автомата были им не по плечу. Только высокопроизводительный пресс, который быстро отштамповывал бы из листа трубную заготовку, мог угнаться за патоновской машиной, мог годиться ей в соратники.

Так нарождалось, собственно, новое направление в трубной промышленности, возникала новая отрасль производства. Автоматическая электросварка труб широкого диаметра... В стенах старого цеха в Харцызске ей было тесно, задыхалась она там. Решили проектировать мощный специальный цех. И строить его в Челябинске. Вот он на чертеже, сине-красный прямоугольник. Но почему в две краски? Я спросил об этом у гипромезовцев.

— Две краски,— объяснили они,— означают реконструкцию. Да-да, цех молодой, только в пятьдесят шестом построен, а собираемся уже реконструировать, расширять, прибавлять ему мощности, хотя и сейчас она у него велика. Труб нужно все больше и больше. Сорок магистральных газопроводов, которые построят в семилетку, растянутся на двадцать шесть тысяч километров! Одному Челябинску уже не справиться. На помощь ему должны подоспеть еще несколько трубоэлектросварочных цехов, сооружаемых в разных районах страны. А пока усилим Челябинский. Товарищи с завода предложили установить дополнительное оборудование. И сделать это на старых площадях, использовав пустующий склад. Предложение приняли. Мы составили технический проект, который предусматривал удвоение производственной мощности цеха. Реконструкция уже началась, заводам заказаны новые машины. И тут возникло одно обстоятельство. Какое? Знаете что... Вы, кажется, собираетесь в Челябинск? Там, на месте, вы, пожалуй, лучше поймете, о чем идет речь...

И вот я «на месте», в Челябинске.

Я провел неделю в трубоэлектросварочном. Знакомился с чудесными его людьми. Много раз прошел по «технологической цепочке» вдоль умниц-машин, наблюдая за превращениями стального листа. С того момента, как четыре электромагнита подхватили его и по-

несли к станкам, нет уже бедняге покоя. Правда, поначалу обхождение с ним весьма деликатное. Центруют, выравнивают, слегка, конечно, надавливая, но покамест только слегка. Потом он попадает под резцы, которых двадцать четыре и которые стоят в два ряда. И уж нечего упрекать их в жестокости, если у проходящего меж ними листа неровные кромки. Где выступ, безжалостно обдерут. Это им и поручено... Ну, а затем давление на лист усиливается. Сперва ему загнут края, и он превратится в огромный, широкий противень для пирогов. Но это цветочки! Листу еще идти под прессы! Два их, оба на гидравлике. Уже и у первого дай бог силенки! Штампует с усилием в тысячу восемьсот тонн. А второй обрушивает на жертву все двенадцать тысяч. Двести шестьдесят пять атмосфер давления! После первого пресса лист хотя уже и загнут подковой, может еще считаться листом. Ну, а после ласк второго богатыря — все! Нет листа. Стал трубой. Вернее, приобрел форму трубы. Меж кромок остался еще узенький прогал. Вот как разделались со стальным листом дружные эти машины, работающие в крепчайшем сговоре между собой, в теснейшем союзе, послушные все одной кнопке. Линия-то полностью на автоматике! Лист гонят почти без передышки, только чуть, только самую малость задерживается он перед каждой машиной. Но к этому «чуть» мы еще вернемся...

А пока — на участок сварки, куда рольганги и самодвижущиеся тележки уже понесли трубу-заготовку. Вот они, патоновские станы-автоматы, младшие братья харцызского первенца. Бесшумно работают свою огненную работу. Подплывает труба. Валки дожимают ее кромки, вплотную стыкуя их. Сверху сыплется порошок — флюс, образуя по стыку желтоватую дорожку. Кончики электродов не видны: они укрыты флюсом, корочкой. Ни ослепительных вспышек, ни брызг раскаленного металла. Не очень эффектно, но очень здорово. Сварщик сидит перед автоматом и тоже выглядит буднично, не так, я бы сказал, романтично, как сварщик, работающий вручную. Нет синих очков, нет в руках держателя с электродом, на конце которого трепещет лиловый цветок... Но зато как удобно! И какая превосходная электрическая машина в полной твоей власти! Но не каждому она подчинится.

Мне показали список сварщиков.

Группа наладчиков автоматики. На снимке (слева направо): Б. М. Единович, инженер В. П. Ковзун (в центре), В. А. Нероев и И. А. Тимофеев (стоит).

Фото Д. Ухтомского.

Виктор Самокиш, выпускник таганрогского техникума, студент 1-го курса Политехнического института.

Виталий Конотопченко, выпускник того же техникума, студент 1-го курса Политехнического института.

Вячеслав Кузякин, выпускник выксунского техникума, студент 1-го курса Политехнического...

Виктор Лупин, студент 1-го курса...

Борис Демьяненко, студент 3-го курса...

И все рядовые сварщики.

Сергей Алексеевич Калинин, начальник участка, инженер, говорил мне:

— Интересно с таким народом. Но, если хотите, и сложно! Это новый тип рабочего, знающего не только свой станок, свой автомат, но и всю технологию, глубоко понимающего весь производственный процесс. И тебе, как говорится, надо быть все время на уровне, чтобы не отстать от него ни в знаниях, ни в опыте. У нас с этими ребятами частенько разговор то о технической новинке, то о какой-то статье в специальном журнале, то о лекции, услышанной в институте. Нет, с ними не заржавеешь...

В цехе среди многих плакатов висит и такой: «Да здравствует советская интеллигенция!». Тот, кто вывешивал его, адресовался, наверно, к ученым, инженерам, врачам, педагогам. А я подумал, что плакат этот имеет прямое отношение и к Виктору Самокишу, и к Вячеславу Кузякину, и ко всем их товарищам, молодым рабочим-интеллигентам.

Плывут и плывут заготовки, подставляя незаштопанные бока сварочным автоматам. А тем только дай работу! Вмиг наложат шов. Могут варить непрерывно. И им все равно, какой длины труба: в десять метров или в сто... Лишь бы электродной проволоки хватило. За этими работягами не так просто угнаться. Тем более что их шестеро. По три в линии. И вот две эти сварочные так и подгоняют, так и подгоняют формовочную линию. Трудненько ей, и особенно трудно было на первых порах, в дни становления цеха.

Об этом многие мне рассказывали.

Рассказывал Алексей Михайлович Гарагуля, коммунист, один из пионеров трубоэлектросварки, внедрявший ее еще в Харцызске вместе с Е. О. Патоном и его сотрудниками. Когда строился цех в Челябинске, Гарагулю послали сюда в командировку для передачи опыта. Он пробыл месяц, срок командировки истек, ее продлили еще на месяц, но кончился и этот срок, и Алексей Михайлович уехал в Харцызск, чтобы, забрав семью, вернуться в Челябинск уже на постоянную работу в качестве начальника нового цеха.

Рассказывал Иван Алексеевич Дудинов, коммунист, инженер-механик с многолетним стажем, через чьи руки прошло все оборудование, поступавшее в цех. Через руки в буквальном смысле слова. Иван Алексеевич из тех инженеров, длани которых всегда в мозолях и машинном масле. Может быть, такое и не обязательно для инженера. Но у Дудинова твердое мнение по этому поводу. Грош цена, считает он, инженеру, не умеющему держать в руках напильник.

Рассказывал Тихон Проскурин, тоже партиец, старший машинист формовочной линии, радиотехник по образованию, которое он получил заочно. Радио — тихая, как он говорит, страсть его, зародившаяся еще в школьном кружке,— не мешает металлургии. Наоборот, в нынешнее время автоматизации знание радиосхем, знание электроники очень даже способствует металлургу Тихону Проскурину в его работе. Мы еще в этом убедимся.

Рассказывал и «юный бог автоматики», как любовно называют в цехе комсомольца Владилена Ковзуна, инженера-электрика, «директора-распорядителя» двух тысяч моторов, десятков тысяч реле, контакторов, магнитных усилителей. У молодого человека, недавнего выпускника Московского энергетического института, нервное, подвижное лицо, несколько всклокоченная шевелюра. И, пожалуйста, не обижайтесь на его немножко «отсутствующий» взгляд во время разговора с вами. Просто он подумал в эту минуту о том, как бы упростить схему одного из автоматических устройств, и, кажется, нашел оригинальное решение...

Я слушаю Гарагулю и переношусь мысленно в памятное для цеха лето 1956 года, когда шел монтаж и запуск оборудования. Ой, и горячее же было времечко! Даже сейчас, вспоминая события тех дней, Алексей Михайлович, человек-то, в общем, сдержанных чувств, волнуется. Еще бы! Пуск цеха совпал с завершающими работами на строительстве газопровода Ставрополь — Москва. Трубы туда поставлял Харцызск с его единственным станом-автоматом, держа, естественно, магистраль на голодном пайке. И строители с мольбой во взоре, с надеждой поглядывали в сторону Урала, в сторону Челябинска. А там, как говорят моряки, была полундра. Машины, каждую в отдельности, собрали, смонтировали, а целиком линии, вернее, формовочную линию, никак не могли пустить. Со сваркой, поскольку имелся уже опыт Харцызска, сразу пошло. А на формовке все станки, все прессы были людям в новинку, и дело стопорило. Да и сами люди, собравшиеся с разных заводов, из разных городов, не притерлись еще друг к другу. Но беда обычно быстро объединяет. Сколачивался коллектив, сколачивался вокруг коммунистов, становившихся его ядром. И это ощутили на себе машины, ощутили и поддались... В августе на трассе газопровода уложили первые тринадцать километров челябинских труб, в сентябре — сорок. А глубокой зимой, когда строители, сдавшие магистраль в эксплуатацию, собрались в Кремле, немало добрых слов сказано было там и в адрес челябинцев.

Но сами они были настроены более критически. Формовка оставалась их бедой, их денной и нощной заботой. Ритм формовочной линии определяют по работе пресса, который стоит на левом ее фланге, окончательно доштамповывая прошедшую через всю линию заготовку. Так вот, делал он это за сто пятнадцать секунд. Не так уж, кажется, много. Меньше двух минут. Заготовочка-то в полторы тонны. Да, две минуты в жизни — не велико время! А вот **сто пятнадцать секунд** — это целая вечность для скоростных сварочных автоматов, с нетерпением поджидающих заготовку. Объявлена была борьба за секунды, точнее, против лишних секунд. И не только в работе пресса окончательной штамповки, но и всех тех станков и прессов, которые обеспечивают ему ритм.

— Все мы бредили секундами,— вспоминает с улыбкой Дудинов.— Все! От начальника цеха до уборщицы. То у одной машины вырвем секунду, то на другой выгадаем четыре, то третья подарит нам шесть. А «Руденко» преподнес все пятнадцать!

«Руденко» — кромкострогальный станок, тот, у которого — помните? — двадцать четыре резца, приводящих стальные листы в «христианский» вид перед тем, как им штамповаться. Над станиной плакат: «Кромкострогальный имени Николая Руденко». Кто он, этот Руденко? Почему его именем назван станок? Был он мариупольский парнишка, комсомолец, приехавший в Челябинск с эвакуированным заводом. Подручный вальцовщика. Ушел на войну в добровольческом танковом корпусе. Погиб в первом же бою на Курской дуге... Заводские комсомольцы пишут сейчас историю своего трубного. Нашли в архиве личное дело Руденко. Позвали на собрание людей, воевавших вместе с ним. И, выслушав рассказ о геройской смерти танкиста, постановили: «Просить дирекцию о присвоении имени Коли Руденко одному из станков». Выбор пал на кромкострогальный. Теперь его иначе и не называют, как «Руденко». Слышишь в цехе это имя, и кажется, что не умирал на Курщине подручный вальцовщика, что по-прежнему он в строю живых, только одет нынче в стальную одежду...

Потребовался год, чтобы сбросить сорок три секунды. За двенадцать месяцев вырвали у машины меньше минуты. И это был колоссальный рывок. Правда, и сварщики прибавили скоростишки. Но не на столько, как формовщики. Разрыв между формовкой и сваркой резко сократился. Цех перешагнул через проектную мощность. Заговорили об ее удвоении. Но возможности формовочной линии, в отличие от двух сварочных, казались почти исчерпанными. Возникло соображение о введении в строй еще одной формовки. Причем предполагалось ставить машины под той же крышей, используя пустующее складское помещение. Идея отличная: достичь двух мощностей без капитального строительства, на существую-

щих площадях, при сравнительно небольших затратах. Проектировщики Гипромеза сели за чертежи.

Но и в стенах трубоэлектросварочного цеха продолжала бить, пульсировать живая человеческая мысль, разбуженная коммунистами.

— Объявив борьбу за секунды,— сказал мне Дудинов,— мы как бы открыли шлюз, в который хлынул поток, и его нельзя сдержать.

Я вспомнил эти слова, когда стоял с Тихоном Проскуриным у пресса окончательной штамповки.

— Паузы... Паузы нас ужасно мучили,— сказал Тихон, и я не сразу его понял.— Станкам да прессам мы все время прибавляли темп. А немашинного времени было у нас полно... Меньше, правда, становится. Вот хотя бы на этом прессе. Видите рольганг с отштампованной трубой? Сейчас ее замаркируют, и она двинется на сварку. И сразу тронется вон та, которую будут еще штамповать. А прежде бы она ждала, пока готовая полностью не сойдет с рольганга. Схема была такая, замедленная. Ну, я кое-что в этом понимаю. Набросал свой вариантик, наладчикам отнес. Одобрили. И вот видите, какой выигрыш во времени! Три секунды! И по всей линии дали мы бой паузам. Без роздыху гоним заготовку, только чуть-чуть задерживается. Но мы и это «чуть-чуть» поубавим...

Так, секунда за секундой, секунда за секундой, сбросили еще двадцать семь секунд!

И пока готовился и утверждался план реконструкции, пока проектировали машины для второй формовочной линии, люди трубоэлектросварочного почти вплотную подошли к достижению двойной мощности цеха. То есть к тому, на что была рассчитана реконструкция.

Вот это и имели в виду в Гипромезе, когда перед моей поездкой в Челябинск говорили мне об «одном обстоятельстве», возникшем на трубном заводе. Что ж, очень хорошее обстоятельство!

А как же с проектом реконструкции, с затратами на нее, со второй формовкой, с новыми машинами? Люди в цехе много говорят об этом. Спорят. Одни считают, что цеху не заказаны пути и к учетверенной мощности. Другие полагают, что производительность можно и дальше поднимать с прежними машинами, а новые — в трубоэлектросварочные цехи, которые намечено построить в других районах страны.

Ясно только, что взлет человеческой мысли, особенно коллективной, не предусмотришь никакими проектами, не ограничишь никакими рамками плана.

...Пора и уезжать. В последний раз обхожу полюбившийся мне цех. Рядом Владилен Ковзун, с которым мы подружились. Идем мимо участка, где маркируют трубы. Девушка бьет по клейму молоточком: нужно выбить двенадцать цифр. Морщится мой Владилен.

— В царстве автоматики, и этакий каменный век! — восклицает он сердито.— Нет-нет, мы тут что-нибудь придумаем! Какой-нибудь электронный счетчик, который будет и считать и маркировать.

А вот и повеселел, заулыбался. Перед нами самодвижущаяся тележка, которая обслуживает сварку.

— Смотрите, смотрите! — чуть не кричит Владилен.— Знаете, какая здесь раньше была схема автоматики? Тележка подходила к аппаратам по очереди. К первому, второму, третьему. Только в таком порядке. Подойдет, а труба еще не сварена. Ждет тележка. А теперь она сама «выглядывает», где готово. Хотите проверить? Наблюдайте. Вон она пошла! Ага, ага! Проскочила мимо аппарата, который еще варит. Стоп! Остановилась у того, который сварил... Умница! Здорово, а?

Снова помрачнел.

— Пульты... Есть еще у нас пульты, управляющие лишь одной машиной. Убрать такие! Переводить на общую автоматику!

Задумался.

— Ох, сколько еще дел! На год, наверно, наберется. Нет, лет на десять. А может, и целой жизни не хватит!..

Вот этими словами моего друга мне и хочется закончить рассказ о трубоэлектросварочном цехе, который родился между XX и XXI съездами партии, рассказ о Челябинском трубном заводе, занимающем в тезисах строку...

ШАГИ СЕМИЛЕТИЯ

Василий ЖУРАВЛЕВ

Коммунисты

Настойчиво, из года в год,
хотя дороги к цели каменисты,
под знаменем борьбы сплотив народ,
всегда, везде, во всем зовя вперед,
к победам первыми шли коммунисты.

И ныне, Партия, заветам Ильича верны
и славою строителей богаты,
на твой, на Двадцать первый съезд
со всех концов страны
в Кремль собираются твои сыны,
идут твои солдаты — делегаты.

План семилетия — большой и сложный
путь,
план построения мечты и счастья.
В нем суть движения, всей нашей
жизни суть!
Вглядишься в цифры — и свободней
дышит грудь,
и сердце бьется радостней и чаще.

Могучих цифр могучий стройный ряд —
и в частностях и в необъятном целом —
нас поражает вдохновеньем смелым.
И все республики Советов говорят:
— Веди нас, Партия, и слово станет
делом!..

Настойчиво, из года в год,
хотя дороги к цели каменисты,
советский мой народ уверенно вперед
ведут к победам коммунисты!

Василиса

Как в моем колхозе
под Тамбовом
величаво,
в сарафане новом,
подобравши прядей серебро
под косынку
цвета барбариса,
поутру проходит
Василиса —
секретарь
партийного бюро.

А за нею
в Солнечную балку,
жирные,
с ленцою,
вперевалку,
белые, как белые снега,
утицы выходят на луга...

ей приносит за день
почтальон.

Птицеводы
даже из столицы
просят
достиженьем поделиться,
практике колхозной
научить...

А порою
ухажер дотошный
намекает
строчкой осторожной:
«Карточку нельзя ли
получить?..»

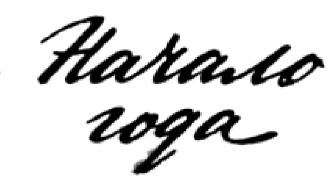
И она под вечер,
после чая,

Ой, не потому ль
со всей округи —
от Воронежа и от Калуги
до Тамбова —
ото всех сторон
слава подступает
к Василисе!..

И, бывает,
по десятку писем

на запросы
с толком отвечая,
пишет о своем...
И, наконец,
сообщает с грустью
по секрету:
«Фотографий,
к сожаленью, нету...
Мне шестой десяток,
молодец».

Начало года

Вот оно, начало года!..
Грозный,
раздирая свой тулуп морозный,
словно в схватку,
словно на таран,
ветеран необозримой шири,
по просторам кованой Сибири
с грохотом проносится буран.

А на юге,
как бы с вьюгой споря,
теплый ветер
набегает с моря,
облака весенние плывут...
Выпуская первые листочки,
на деревьях лопаются почки.
Первые подснежники цветут.

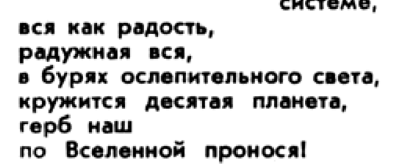
Вот оно, начало!..
Неустанно
на совхозном стане Казахстана,
утверждая
новый агроград,
с опытом победы за плечами
мой товарищ трудится ночами,
создавая трактор-автомат.

А в предгорьях старого Урала,
где под звонкий перезвон
металла
парни валят корабельный лес,
бьет чугун
из комсомольской домны...

А над Волгою
волной огромной
плещут зори
Сталинградской ГЭС.

Хорошо!
На вахту стала смена.
Новостройки.
Пламя автогена.
Звезды над Москвою.
Целина.
Да Кавказ в цвету!..
Начало года.
Разный климат.
Разная погода.
И одна-единая страна!

И над нею, признанная всеми,
полноправно в солнечной
системе,
вся как радость,
радужная вся,
в бурях ослепительного света,
кружится десятая планета,
герб наш
по Вселенной пронося!

Дневники слесаря Флотского

К. ЧЕРЕВКОВ

В Ленинградском Доме актера шел диспут. Выступали режиссеры, композиторы, музыковеды. И вдруг объявили: слова просит слесарь Кировского завода Михаил Иванович Флотский. Невысокий, коренастый человек поднялся на трибуну и привычно, будто у себя на цеховом собрании, начал речь. Он обстоятельно анализировал творческий путь театра, называл по имени и отчеству актеров, безошибочно вспоминал, кто когда и в каких спектаклях был занят...

В перерыве мы познакомились с Флотским, он дал нам свой адрес и пообещал показать дневники, которые ведет с первых дней посещения театров.

Застать слесаря дома оказалось не так просто: днем — на заводе, а вечером — в театре. В этот день, возвратясь с работы, он обнаружил приглашение в Академический театр оперы и балета имени Кирова на чествование народного артиста РСФСР дирижера С. В. Ельцина. Не побывать в театре, который посещает свыше тридцати лет, Михаил Иванович, конечно, не мог. Извиняясь за мужа, Мария Алексеевна предупредила, что завтра у него занятия в филармонии в кружке рецензентов, а послезавтра спевка в заводском хоре...

Дома мы Флотского так и не застали. Встретились мы с ним в завкоме, там, где продавались билеты в театры. Окруженный товарищами по цеху, заядлый театрал М. И. Флотский едва успевал отвечать на вопросы: один спрашивал мнение о спектакле «Никто», другой — о балете «Тропою грома»... Все убеждены, что Михаил Иванович уже успел побывать на премьерах, а мнение его не менее авторитетно, чем рецензии критика-профессионала.

Четырнадцать лет подряд кировцы выбирают слесаря М. И. Флотского председателем цеховой и членом общезаводской культкомиссий. Без его участия не обходится на заводе ни один концерт, ни одно выступление актеров, ни один культпоход.

— А что, если нам приобрести свой абонемент в филармонию? — посоветовал как-то Михаил Иванович культкомиссии.

— Найдутся ли у нас любители слушать серьезную музыку? — возразили ему.

— Найдутся. Лично я более десяти лет посещаю филармонию и знаю, что среди слушателей немало таких, как я.

На завод пригласили художественного руководителя филармонии О. С. Саркисова. В программу седьмого, или, как его называют, «кировского», абонемента включили произведения Чайковского, Глинки, Римского-Корсакова, Глазунова, Моцарта, Бетховена, Вагнера. В три дня кировцы раскупили все абонементы. Семь раз в сезон, третий год подряд, они приходят на концерты симфонической музыки и занимают в Большом зале филармонии все тысяча триста мест...

Нынешний сезон по седьмому абонементу начался с исполнения произведений С. Прокофьева и Д. Шостаковича. Дирижировал главный дирижер Токийского симфонического оркестра г-н М. Уэда. М. И. Флотский сидел в ложе вместе с женой, работницей судостроительной верфи. В памяти слесаря это второй случай, когда оркестром Ленинградской филармонии дирижирует японец.

Михаил Иванович знаком с творчеством многих дирижеров. Но особенно близок ему Е. А. Мравинский — слесарь не пропустил, кажется, ни одного концерта Евгения Александровича.

В квартире Михаила Ивановича на полках — стопки тетрадей. День за днем записывает он, в каком театре что и когда видел, фамилии актеров, исполнителей главных ролей.

Листаем страницы и узнаем круг интересов пытливого, любознательного советского рабочего. Впервые М. И. Флотский переступил порог Академического театра оперы и балета в 1926 году. Никогда до этого не бывал в театрах. Жил он в глухом тихвинском лесу, в пяти километрах от небольшой деревушки. Приехал в Ленинград, пошел на стройку Московско-Нарвского дома культуры, и захотелось ему сходить в самый большой театр. Партер был не по карману, сидел в последнем ярусе. Шла опера «Русалка».

— В музыке тогда не разобрался,— вспоминает Михаил Иванович.— Восемь раз ходил на «Русалку», пока что-то понял.

Сначала слушал все оперы подряд, потом стал выбирать. В дневниках часто встречаются одни и те же спектакли.

В Академическом малом оперном Михаил Иванович познакомился с оперными произведениями советских композиторов. На многих страницах перечислены спектакли, виденные здесь: одна из первых советских опер «За красный Петроград», «Леди Макбет», «Тихий Дон», «Надежда Светлова», «Угрюм-река», «Война и мир», «Молодая гвардия»... Нет ни одного значительного оперного произведения, которое не было бы известно М. И. Флотскому.

Недавно Михаил Иванович отдыхал на одесском курорте и, разумеется, в день приезда направился в театр. Шла опера «Евгений Онегин». Слушал точно впервые, не шелохнулся. И только один раз недовольно заерзал в кресле...

Опустился занавес, зрители покидали зал. Слесарь направился за кулисы. «Онегина» встретил в гриме. Познакомились.

— Вы не обидитесь, если я вам скажу правду? — спросил Михаил Иванович.— Пели вы прекрасно. Но в саду при встрече с Татьяной, к моему удивлению, сели на скамейку. Это невежливо. Я в тридцатый раз слушаю Онегина, но такое, простите, впервые вижу...

«Онегин» смутился, потом обнял ленинградца, потащил его в артистическую. Беседа затянулась за полночь...

Двадцать шесть дней отдыхал М. И. Флотский в Одессе и двадцать два вечера провел в театре. Домой привез программы и все билеты. На обложке одной из программ размашистым почерком артиста, исполнявшего роль Онегина, написано: «На добрую память чуткому, внимательному ленинградцу Михаилу Ивановичу Флотскому».

Берем с этажерки еще несколько тетрадей. В них — заметки о балете. Читаешь их, слушаешь оценки мастерам балета и забываешь, что перед тобой не профессионал, не актер, не режиссер, а слесарь.

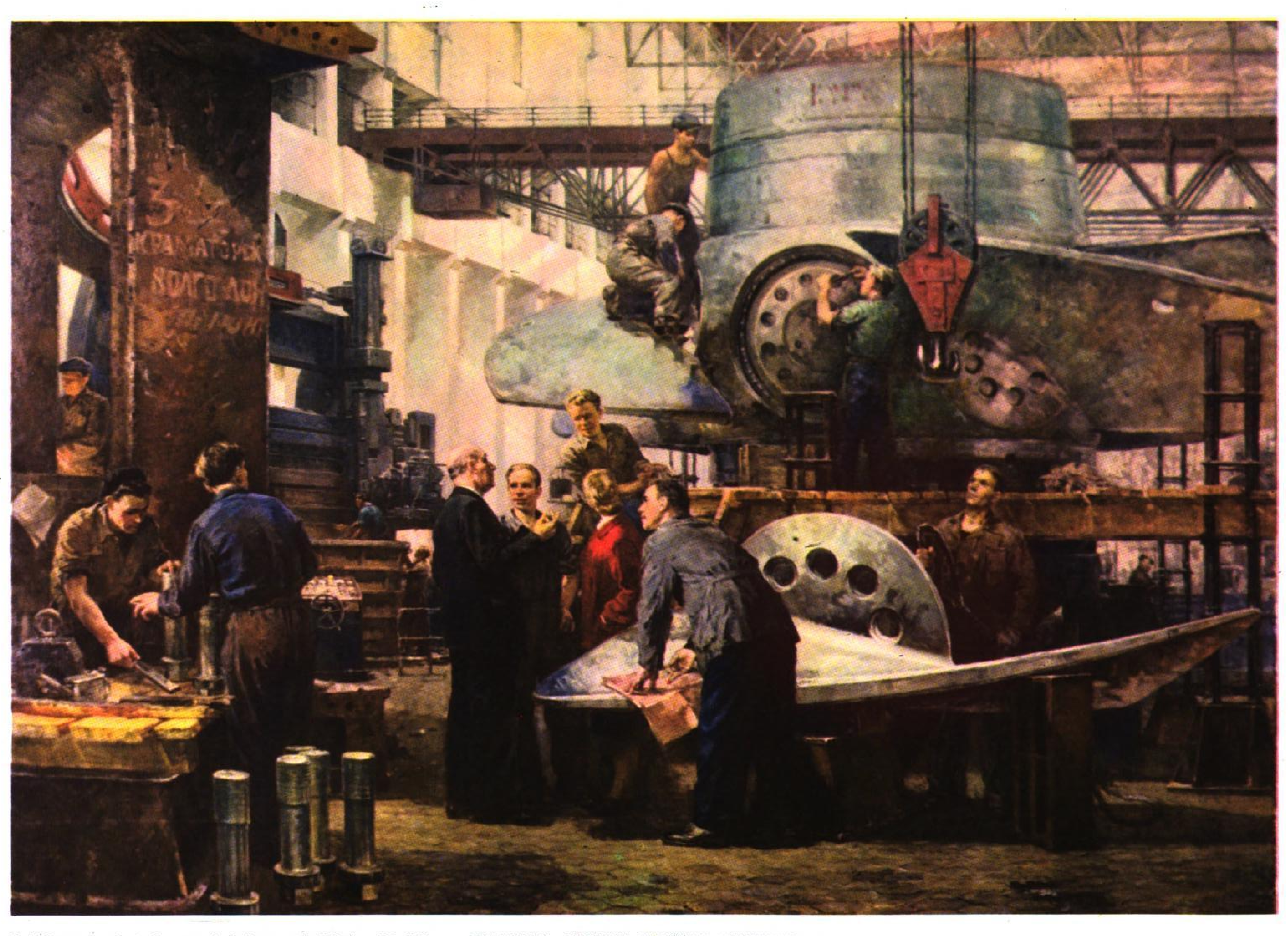
В дневниках М. И. Флотского перечислены спектакли, поставленные и ленинградцами и театрами, приезжавшими на гастроли из Москвы, Архангельска, Костромы, Мурманска, Вильнюса, Новосибирска, Минска, Калинина, Перми, Киева, Сталинграда, Саратова... Тут и Шаосинская опера Китайской Народной Республики и симфонический оркестр Чешской филармонии, и Будапештский театр оперетты и венгерская эстрада. Руководитель и режиссер венгерской эстрады Иштван Казан преподнес кировцу красочный альбом с надписью: «Дорогому другу, любителю искусства Михаилу Ивановичу Флотскому, бойцу, участвовавшему в боях за освобождение Будапешта».

В последних театральных дневниках бригадира слесарей есть и чистые страницы: для новых записей о спектаклях и актерах...

М. И. Флотский с женой на концерте в филармонии.

Фото Б. Уткина.

Н. Л. Веселова, В. Ф. Загонек, А. Т. Пушнин, Е. Е. Рубин, Ю. Н. Тулин. ЛЕНИНГРАД — ВЕЛИКИМ СТРОЙКАМ КОММУНИЗМА.
(Сборка турбины для Цимлянской ГЭС на заводе имени И. В. Сталина).

Л. Г. Чорбадзе. В НОВУЮ ЖИЗНЬ.

ГОРИЗОНТЫ СЕМИЛЕТКИ ВИДНЫ МИРУ

Дж. КЕМПБЭЛЛ,
главный редактор газеты «Дейли уоркер»

Экономисты, которые состоят на службе капиталистического класса Англии, получили от своих хозяев заказ. Их попросили срочно «доказать» английскому народу, что монополистический капитализм непрерывно движется вверх, к «вечному процветанию». Что и говорить, нелегкая задача: факты повседневной жизни Англии опровергают доводы оруженосцев капитализма.

В дни, когда безработица в Англии все растет, Федерация британских промышленников распространяет брошюру. Брошюра с упорством, достойным лучшего применения, твердит, что капитализм якобы может производить больше и по более низким ценам, чем социалистическая система Советского Союза. Разумеется, в этой писанине не приводится никаких фактов для подтверждения столь громогласных заявлений. А между тем английская правительственная статистика говорит о том, что к концу года уровень промышленного производства в Англии лишь на неполных 12 процентов превышал уровень 1953 года и благодаря нынешнему спаду все время ползет вниз.

Впрочем, в Соединенных Штатах нынче идет еще более широкая мобилизация рекламы все в тех же целях. Здесь специалисты этого дела сталкиваются с еще более тяжелой задачей, потому что американское промышленное производство явно стоит ниже уровня 1953 года. Приходится поэтому еще больше изворачиваться: идиллическую картину «американского образа жизни» надо рисовать как раз в такой момент, когда безработные устраивают бурные демонстрации у ворот всемирно известных автомобильных фирм в Детройте. Эти безработные протестуют против того, что на автомобильных заводах применяются сверхурочные работы, в то время как масса рабочих-автомобилестроителей выброшена на улицу.

Какая уж доблесть может быть в экономической системе, которая заставляет одних рабочих трудиться до изнеможения, а других лишает заработка! Разумеется, американские мастера рекламы и не пытаются «объяснить» это убийственное для капитализма явление.

Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» изо всех сил «утешает» читателей тем, что Советский Союз «все еще позади» Соединенных Штатов по уровню производства. Бедняги журналисты, прибегающие к такого рода «аргументам», делают вид, что им неведом один решающий фактор: до того, как Советский Союз появился на арене истории, подобные «аргументы» никому не были нужны: царская Россия настолько далеко отставала от Америки, что ни о каком сравнении и речи не могло быть. Однако в наши дни Советский Союз сделал настолько могучий скачок вперед, что стал второй индустриальной державой мира и уже поставил перед собой задачу догнать и перегнать Соединенные Штаты. На Западе высказываются опасения, что в ближайшее время кривая производства снова пойдет вниз. Эти мрачные размышления заставляют содрогаться весь капиталистический мир.

Вот в этой-то обстановке и были опубликованы для сведения всего мира контрольные цифры семилетнего плана Советского Союза. Если бы монополисты по обе стороны Атлантики еще верили своим собственным сказкам (в действительности они и сами в это не верят), они попытались бы использовать этот случай и сравнить на страницах печати прежний и нынешний уровень экономики Советского Союза и все это вместе взятое с «достижениями» монополистического капитализма.

Однако положение оказалось весьма щекотливым для апологетов монополистического капитализма. Поэтому на наиболее читаемых страницах буржуазных газет можно найти что угодно, только не упоминания о советском семилетнем плане. Газетчики и их хозяева явно хотят отвлечь внимание читателей от этого поражающего воображение документа.

Можно понять некоторые наши газеты: нелегко рассказывать английским читателям о том, что Советский Союз предполагает увеличить у себя продукцию стали за ближайшие семь лет более чем на 30 миллионов тонн! Ведь один этот прирост будет больше, чем все производство стали в Англии к тому времени.

Сэр Джон Кокрофт, научный советник английского государственного центра атомной энергии, недавно вернулся из Советского Союза, где изучал работы советских ученых в области термоядерных реакций. Он заявил лондонским журналистам, что «советские ученые находятся примерно на той же ступени, что и мы, но они работают гораздо более широким фронтом. Перед ними те же проблемы, но работа у них идет в три или четыре раза быстрее. Я думаю, они оставят нас позади во многих областях именно потому, что имеют возможность работать с таким широким размахом».

Проблема жилья всегда была центральной социальной проблемой в Англии, и консервативное правительство неумеренно хвасталось, когда в 1956 году было построено более 400 тысяч домов. Недавно английское правительство сократило жилищное строительство до 250 тысяч домов в год, и это вопреки тому, что большинство населения Англии живет в обветшалых домах.

Если это сравнить с планом Советского Союза, то планы английского правительства покажутся весьма незначительными.

В Советском Союзе намечен к концу семилетия рост реальной заработной платы на 40 процентов. Это встает как убийственный контраст с теми упорными усилиями, которые предпринимаются в Англии, чтобы остановить и задержать какой бы то ни было рост заработной платы. Апологеты буржуазии все еще пробуют убедить народные массы, что инфляция, которая имела место после войны, объясняется якобы требованиями рабочих о повышении заработной платы. Политика консервативной партии сводится к тому, чтобы советовать предпринимателям не уступать рабочим в вопросе заработной платы. Новая программа лейбористской партии сообщает англичанам, что лейбористы и в дальнейшем будут убеждать профсоюзы не требовать для рабочих более высокого заработка.

В послевоенный период довольно широко распространилось мнение, что можно сравнительно легко предотвратить кризисы в капиталистической экономике. Лейбористская партия постаралась выразить это даже в виде новой «теории» о том, что капитализм вступил в эру «полной занятости». Жизнь показала беспочвенность такого рода оптимизма. Теперь уже многие начали понимать очевидный факт: за время продолжительного послевоенного бума капиталисты ввели так много производственных мощностей, что они не в состоянии больше вводить новые.

Таким образом, создалась комическая ситуация: и консервативная и лейбористская партии поучают англичан, что для улучшения экономического положения рабочих требуются якобы огромные капитальные вложения и повышение производительности труда; и в то же время английские монополии не в состоянии загрузить даже существующие предприятия и вынуждены сопротивляться их расширению.

Пропагандисты и пронырливые специалисты по рекламе, оплачиваемые капиталистами, прямо-таки надрываются от тяжести возложенной на них задачи. Капитализм не слушается их, не желает идти «вверх», а вязнет в трясине депрессии. Они уже и не думают о каких-либо сравнениях с миром социализма,— став на этот путь, они доказали бы только одно: что движется вперед именно социализм, и только он, и притом без кризисов и других бедствий, свойственных капиталистической системе.

Оруженосцам капитализма и его трубадурам остается лишь замалчивать огромные достижения Советского Союза и социалистического лагеря в целом. Ибо поверить в будущее капитализма можно, только не зная того, что происходит на одной трети земного шара, где ликвидирована капиталистическая эксплуатация. Но миллионы и миллионы людей уже много знают и все больше узнают о великих победах социалистического лагеря. Именно это делает задачу, взваленную капиталистами на плечи своих идеологических прислужников, не только тяжелой, но и просто невыполнимой.

Рисунок Н. Долгорукова.

СТЕРТАЯ МЕЖА

Рассказ

Владимир БАБЛЯК

Рисунки Н. ШЕБЕРСТОВА.

Максим Бортняк, потомственный хлебороб и старательный хозяин, встает на работу до рассвета. Шершавыми, мозолистыми ладонями умоет кое-как лицо, гулко шлепнется перед образом святого Ильи. От давности лик у Ильи потемнел, борода расползлась в мелких трещинах иссохшей доски. У Максима лицо тоже в черных глубоких морщинах, голова облысела, борода, как запущенный лес. Они поразительно похожи друг на друга, икона и человек, и, глядя на них со стороны, трудно отличить, где святой, а где грешник.

— «...Отче наш!.. Даждь нам днесь... Даждь нам хлеба насущного!..» — вымаливает Максим у святого, хотя и знает, что и сегодня греха ему не избежать. Ох, не избежать!..

С улицы доносится первый крик петуха... Это сигнал. На полуслове обрывает Максим молитву. Второпях сует он в торбу бутылку молока, кусок вчерашней мамалыги и выходит во двор.

На пороге остановился, прислушивается. Ему хочется знать, чей пел петух — соседский или собственный. Эта, казалось бы, сущая мелочь имеет для Максима немалое значение.

Теплая, влажная весенняя ночь едва сопротивляется наступающему утру, мягко тянет Максима назад, но день призывает: вперед! Невыспавшийся, с полузакрытыми глазами, утомленный хлебороб пьяно покачивается на ногах — сюда и туда, — между днем и ночью, но наконец отвергает искушение вернуться ко сну.

Так чей же это петух?..

В курятнике снова испуганно хлопают сильные крылья, и резкий, задиристый голос птицы еще раз будоражит сонную тишь.

Его... собственный!..

Улыбка удовлетворения сползает с кончиков Максимовых густых усов, образуя вокруг них две дугообразные морщины. Идя к сараю, где над остатками корма фыркают лошади, Бортняк бросает взгляд за плетень, во двор Сидора Савко. Окна в его хате еще темны, а под кучей хвороста и на старенькой телеге, которые сереют в рассветной мгле на его дворе, мирно дремлет утомленный покой.

— Отсыпается газда[1]!.. — кривит тонкие губы Максим, радуясь, что первым выедет в поле.

Представляет спящего соседа, на лавке, под разорванным кожухом, и при одном воспоминании об этом лицо Бортняка худеет, хищно заостряется.

— Газ-да!.. — еще раз цедит он сквозь зубы, натягивает на коня потертую шлею. — Даже петуха настоящего во дворе нет!

Бортняк и Савко — давние враги, во всем соперничающие друг с другом.

Если, первым придя в воскресенье в церковь, Максим Бортняк станет слушать службу божью под иконой святой Варвары, то Сидор Савко, увидев это, обязательно зайдет вперед и бьет частые поклоны двенадцати апостолам, а Максим должен моргать разозленными глазами за его спиной.

Выдал Сидор старшую дочь замуж. Максим с ног сбился в поисках жениха для дочери своей. И вот шумит свадьба и на его дворе, врываясь в уши соседа. Правда, пошла заплаканная Домка с согласия отца за вдовца, уехала в дальнее село. И все же в девушках не засиделась, как пророчил Сидор-враг.

Лишь «богатством» всегда шли Максим и Сидор вровень. У одного шесть ртов, и у другого столько же. У этого сердак в заплатах, и у того трещит по швам. У соседа два ара[2] пашни, и этот вертится с лошадьми на двух. Как пест в тесной ступе!..

Но!..

Но была межа между их полями. Узенькая, бугроватая ленточка земли в восемнадцать цалей[3] шириной, покрытая пыреем, одуванчиком и молочаем. Место кровавых боев и страшных проклятий. Площадь, на которой может уродиться восемь ведер картошки или несколько снопов шелковистой кукурузы!

...Поспешно забросив на телегу плуг, Бортняк открывает ворота. Выезжает тихо, чтобы не разбудить соседа, и все время, как вор, оглядывается назад. Пока Савко встанет, он прирежет эти девять цалей, которые в прошлом году загреб себе сосед. А потом иди, враже, ищи межу, добивайся! Нужно было не спать!..

Синее апрельское утро заливает сонливое село бодрой свежестью. С каждой секундой становится светлей. Поле влажное, пахучее, а от яра, где течет Прут, то горбится, то выравнивается прозрачная пелена тумана. День встает ясный, тихий... В небе такая высота, в воздухе такая торжественность!.. И странно до горькой боли, что не трогает хлебороба эта для него одного созданная красота, не веселит душу. Усталые глаза задумчиво смотрят на серую, плывущую назад дорогу. А видят... межу.

Так, хмурый, подъезжает Бортняк к дороге, которая поворачивает на его бугристую ниву. Вдруг он вздрагивает, прикладывает руку к глазам, и ему кажется, что солнце, которое только что светило, сразу погасло. На лицо Максима набегает тревога, предвещающая бурю: Сидор Савко уже пашет... и как будто на его, Максимовом, участке.

Со всей силы бьет Максим кнутом подручную лошадь, затем бороздную и чувствует, как остро закололо что-то в сердце. Лошади от неожиданности с силой вырываются вперед и за несколько минут подлетают к ниве.

Ага! Савко уже работает. Но на своей...

Как-то легче стало! Пашет он с середины участка. Хи-и-тры-й!.. Не хочет первым задеть межу плугом. Что ж, и Максим не будет.

Все люди знают: когда Савко и Бортняк начинают пахать от межи, они должны подраться сразу, с утра. Если же поднимают пласты с середины, кровь потечет вечером. Сегодня, выходит, вечером...

Не сказав «помогай бог», даже не посмотрев на согнутого над плугом соседа, Бортняк приступает к делу. Теперь у него одно стремление: первым подобраться к меже. Выкроить, отхватить плугом девять цалей от савковских загребущих рук. Неустанно подгоняет он лошадей, стремясь захватить пошире, поднять пласты побольше. Сразу же его тело покрывается соленым пóтом.

Но Савко также не дремлет. Высокий, тонкий в талии, точно девушка, и юркий, как веревка, он то выбегает босыми ногами с борозды, усердно махая кнутом над головами замученных лошадей, то снова хватается руками за ручки плуга. «Вйо-о!.. Ге-е-й!»

Солнце поднялось в зенит. На буграх брезжит марево. На севере синеет оголенный еще лес. На юге блестит, манит вдаль извилистый Прут. Заворожила полевой простор волшебница-тишина. Все растет, красуется, веселится!.. Остановить бы вам, люди добрые, замученных своих лошаденок, вытереть грязный пот с морщинистых лбов, сесть бы вот так, рядом, вместе, на меже, перекурить бы, поговорить тихо, мило о пахучей мягкой земелице, которая дает нам пропитание, о песнях, сложенных про красу полей!

Чуете, как нежно пахнут недавно раскрывшиеся стыдливые фиалки? А вон подле леса смеется устремившийся радостными глазами к ясному солнцу разноцветный ряст[4]!.. Видите?..

Нет, они этого не видят! В осоловевших от напряжения глазах — только черная движущаяся пашня.

Торопятся. Солнце постепенно идет на запад, а Бортняк и Савко — на сближение. Все у́же и у́же становится полоска серой, невспаханной земли между ними, разделенная межой. Бортняк пашет с севера на юг, Савко наоборот, и на середине две пары коней и два пахаря за плугами встречаются и расходятся. Чем ближе к меже, тем сильнее играют у обоих скулы, страшный огонь ненависти мечут глаза. С каждой новой глыбой подходит решающая минута.

А люди, которые работают на поле, все чаще посматривают в их сторону, нетерпеливо ожидают, когда Бортняк заедет Савко кулаком по шее, а Савко сломает кнутовище на Бортняковой спине. Интересно, черт возьми!..

И вот, стремясь разъехаться, Максимова кобыла задела упряжь савковского левого. Соперники лишь остро взглянули один на другого из-под мохнатых бровей, но промолчали. Разошлись... С одной и другой сторон осталось только два пласта. Можно бы их оставить на межу!.. Но куда там!..

При следующей встрече две пары коней идут одна в одну. Упираются четырьмя косматыми головами и останавливаются. Сразу же Бортняк кричит с борозды дрожащим от злости голосом:

— Сворачивай!

— Не сверну! — отозвался длинный Савко, выходя из-за коней.

— Нет, сойдешь!

— Нет, не сойду!

— Добром прошу! — Задыхаясь, Максим плюнул на ладонь, зажав в кулак вишневое кнутовище.

— Попроси жинку свою, чтобы с лопушком за хлев торопилась!..— вызывающе скалит Сидор два желтых зуба.

Это уже вызов. Не чувствуя своего тела, Бортняк вылетает из борозды, бьет кнутовищем савковского коня между ушами, пытаясь освободить дорогу. В ту же секунду каменный кулак соседа тяжело падает на его спину, задев не созревший еще чирий.

Дерутся!.. Схватились руками, сплелись ногами, вгрызлись зубами в худые, замученные тела свои, упали на пашню и катаются по ней грязным кипящим клубком. Рвут один на другом кожу, пускают постную от недоедания кровь, ломают кости и набивают друг другу синяки и шишки.

За что?

За восемь ведер картошки. За межу...

С полей уже бегут к ним люди. Окружают и смотрят, боясь подступиться, разнять. Церковный староста Леонтий Герделычка, с круглой и лысой, как облизанный пест, головой, взволнованно трясет большим животом и жирными мешками розовых отвислых щек, просит тех, кто помоложе:

[1] Газда — хозяин.

[2] Ар — мера земли.

[3] Цаль — дюйм.

[4] Ряст — вьющееся растение.

— Ой, людоньки, разнимите этих дурней! Прошу, скажите им! Скажите, что я могу им дать деньги для суда! Пусть суд справедливо их рассудит! Потому что не могу, не могу смотреть, как кровь христианская струей льется!

— А, захотел крови и мяса той овцы, которую даст Максим или Сидор тебе за процент по займу?! — ехидно шепчет про себя черный, как цыган, корчмарь Андрий Гейда, второй по рангу паук села.

И, чтобы помешать старосте дать Бортняку или Савко денег под залог (какая Гейде польза с этого?), корчмарь кричит, чтобы все — и в первую очередь Максим и Сидор — услышали:

— Не можете разнять их — пусть бьются!.. Пусть одолеет тот, кто сильнее! Тому и право на межу!

Он глубоко убежден, что сила и деньги всевластны.

Сынок дьячка — веснушчатый шалопут в трусах, при галстуке и остроносых туфлях,— который специально прибежал из села ради занимательного происшествия, воробьем клюет с ладони семечки, улыбается молодицам, скаля испорченные зубы, и повторяет давнюю, жестоко горькую поговорку:

— Чего бедный? Бо дурной. А чего дурной? Бо бедный...

А те дерутся.

— Ж-р-и-и!.. На-е-да-йсь!.. — зло набивает Савко горсть земли Максиму в рот. Земля хрустит у него на зубах, давит в горло. Максим выплевывает ее с кровью:

— Я не земли хочу!.. Я той кукурузы, которую ты украл средь бела дня на моем поле при всех людях!.. — кричит он и показывает пальцем на межу.

Наконец из села прибегает запыхавшийся войт[1] с двумя десятскими. Они разнимают врагов и по одному ведут в съезжую[2].

[1] Войт — староста.
[2] Съезжая — помещение сельских властей.

— Смотрите, газды, как расписал кнутом мои плечи! — жалуется Сидор десятским, показывая под разорванной сорочкой ребристое тело в страшных синих полосах.

— Я еще выбью тебе эти два зуба!.. — обещает Максим, оборачиваясь к своему врагу и показывая черную дыру наполовину пустого, окровавленного рта.

И снова бросается в драку.

— А ну!.. Сцепитесь мне хотя еще раз!.. Я вас скоро в город отправлю!.. — предупреждает войт, грозный, как туча.

Через некоторое время соседи сидят в решетчатой «холодной»— в темном, влажном подвале под съезжей, в котором пахнет сыростью и картофельной гнилью. Максим притулился на корточках в правом углу, Сидор — в левом.

То ли от холода, что постепенно успокаивал их, то ли от усталости ненависть, которая целый день трясла сердца хлеборобов, постепенно утихает, угасает. Истерзанные тела, остыв, начинают болеть сильнее. Ноют Максимовы челюсти, горят Сидоровы плечи. Кожа распухает, вздымается, как на утопленнике, и тонкожилый Савко начинает плакать.

На улице тем временем наступает ночь. Постепенно затихает гомон на горе, в съезжей, потом и в самом селе. Лишь иногда залает пес на далекой улице или прогрохочет запоздавшая с поля телега. Густеет темнота. В небе ярче выступают звезды.

У Максима рот в крови, зубы выбиты кнутовищем. Но он... он крепится.

«И как оно так выходит на свете? Восемь лет бьемся с Сидором за эту межу, а просвета никакого не видно!..» — горько думает Бортняк.

Прислушиваясь к жалобному стону Савко, он уже не чувствует удовлетворения от того, что соседу больно. Тоска, горькое раскаяние охватывают его. Становится жаль товарища, с которым в молодости так славно гуляли. Поколебавшись некоторое время, Максим пытается заговорить.

— Сидоре? — несмело гундосит он хриплым голосом в темноту. — Сосед?

Всхлипывания и стон в левом углу притихают. Но ответа нет.

— Я не за себя дрался, брат Сидоре... Я лишь за тех шестерых писклят, которых кормлю...

Молчание. Терпкое, мученическое молчание постепенно гонит время вперед. Сквозь узкое решетчатое окно весенняя ночь с интересом рассматривает хлеборобов глазами двух далеких звезд. Подняв тяжелые, окровавленные головы, Максим и Сидор ласкают печальным взором ясные пятнышки в тусклом небе. Но в мыслях соседей все та же межа: ленточка бугроватой, заросшей пыреем земли.

* * *

Через семнадцать лет на том же поле, тоже в ласковом апреле, пашут два молодых тракториста: Степан Бортняк и Микола Савко. Случилось так, что в этот день бригадир замерил им две равные делянки по пятнадцать гектаров каждая — «норма предпраздничной вахты», как он говорил,— и воткнул веху между этими делянками как раз на том бугорке, где когда-то проходила зловещая межа. Правда, стертая временем и пятнадцатилемешным плугом, межа эта давно уже исчезла.

Третий год работают Степан Бортняк и Микола Савко в одной бригаде и каждую осень делят первые премии и первые места между собой. Живут хлопцы дружно, весело. Гектар за гектаром целый день кроят они необозримую колхозную землю, время от времени поглядывая, кто как работает. Если Микола остановится, чтобы осмотреть мотор, Степан немедленно идет к нему на помощь.

— Сжег воронную кобылку, передовик? — шутит он, подходя к товарищу.

Не обижаясь на легкую иронию, Микола, кряхтя, засовывает голову глубже под капот. Лезет туда и Степан. Вскоре трактор снова наполняет воздух крепким гулом силы, а скалозубый Микола, махнув товарищу рукой, весело трясется в кабине, как казак в седле.

А если случится так, что Микола Савко вспашет за день на гектар больше Степана Бортняка, вечером, когда учетчик обмеряет поле, русоволосый Микола говорит:

— Степанову и мою пахоту дели в табеле пополам...

— То ж почему? — поднимает брови учетчик.

— Мы карбюратор мой вдвоем перечищали. Потерял Степан из-за меня полчаса.

Но была на светлом небе дружбы двух трактористов прозрачная тень, пелена тумана, легкая тучка — Василка Боднарова, русая, синеокая, ловкая, постоянный предмет мыслей и бесед обоих парней. Сегодня стреляет Василка лукавыми глазами в Миколу, завтра что-то шепчет Степану.

Оба тракториста близки сердцу девушки, и она обоих не хочет от себя отпускать, так как твердо еще не знает, который из них ей больше нравится.

А как хлопцы? А хлопцы, поговорив с девушкой: Микола — около клуба, Степан — под вербами, — сойдутся на следующий день в обед покурить возле трактора, расшифровывают таинственные знаки девичьего поведения и делают о Василке единый вывод:

— Перестраховщица!..

И, расходясь, удивленно разводят руками. Между тем это только внешний покров: Микола не раскрывает дружку своих чувств к хитрой дивчине. На самом деле при одном воспоминании о «перестраховщице» образ ее появляется в глазах Миколы, как солнце в ясном небе, а ее голосок звучит в его ушах, словно звонкий майский соловей!..

...Легкой девичьей грудью дышит весна. Прорастают зерна, распускаются цветы, оживают леса. Завтра Первое мая. Готовятся к веселому празднику передовики-трактористы.

Но, вертя баранку трактора, слышит Микола Савко звон песни в сердце не только оттого, что завтра его фамилия появится на доске почета, рядом со Степаном, и ему всенародно вручат премию. Есть к тому еще одна причина.

Они становятся за трактор в затишье, и Степан, давая прикурить, косит глазом на товарища.

— У тебя, Коля, голова не болит?

— Нет. А что?

— Чудной ты! — удивляется Степан. — Словно пьяный...

— Вчера... Василка... — признается Микола.

— Что?

— Она, понимаешь, сама... меня поцеловала!.. — тяжело выговаривает Микола, и радость широко заливает его лицо.

Минуту друзья молчат. Сердце Миколы тает в теплой весенней мгле. Он долго прислушивается к сердцу и к весне, потом вопросительно переводит глаза на друга.

— Ну?.. — спрашивает он.

— Что?.. — вопросом отвечает Степан, глядя вдаль.

— Почему же ты молчишь?..

Степан наблюдает что-то между небом и землей. Его лицо каменное, замкнутое. Лишь еле-еле заметная тень пробежала по нему. Наконец он говорит:

— Пустая девушка! Ей-богу, пустая!.. Семнадцать лет, и уже целуется!.. Тьфу! Ей-богу!

Не ответив, Бортняк стремительно заводит машину. И, снова разгоняя вечную тишину поля, властно рокочут тракторы, бьет в загоревшие, горячие лица трактористов влажный ветер, бросаются под колеса выемки и бугорки серой целины, а сзади ровными волнами ложатся покосы черной пахоты. Сияет над головами торжественное солнце, а синее небо охватывает их со всех сторон.

После полудня Микола останавливает трактор на полпути и огромными шагами бежит к дружку, перепрыгивая с пласта на пласт, точно на тронувшейся реке со льдины на льдину.

— Что случилось? — кричит ему Степан, останавливая машину, высунув из кабины голову.

— Степка, остановись! Глуши! — Запыхавшийся Микола подбегает, и в момент, когда их взгляды встречаются, Степан замечает в зрачках товарища глубоко спрятанную тревогу. — Свеча! Запасная есть?

— Должна быть. А что?

— Нажим! Поторопился, понимаешь, на подъеме! Нажал на скорость, и...— Микола вздыхает, вытирает рукавом рубашки пот и еще больше загрязняет лицо.

— Свеча отказала? — поднял брови Степан.

— Ну да! И когда же! Перед самым праздником! Запасная есть? Выручай!

— О, бес! — ругается Степан, силясь вылезть из кабины.

Тревога товарища передается и ему:

— Как знал, что запорешь перед праздником! Душой чувствовал! Где-то тут свеча была у меня...

— Надавил, понимаешь, на подъем... Задумался... — еще раз без надобности разъяснял Микола, следя глазами за движениями Степана.

— Индюк тоже задумывался иногда, — говорит Степан, и спокойное его лицо быстро покрывается тенью.

— Куда же, в самом деле, я засунул свечу? Недавно видел... Может, в кабине?

— Торопись, Стефанку, день кончается! — нетерпеливо подгоняет Микола.

— Микола, я свечи нигде не вижу...

— А была она у тебя?

— Ей-богу, была!..—неуверенно оглядывается Степан. — Может, выронил на пахоте? А ну, беги к будке! Посмотри на полочке за книжками! А я еще тут поищу... Где же она?

Свечи нигде нет.

— Разиня ты, разиня! — ругает запыхавшегося, встревоженного Миколу горячий Степан.— Вдолбил в голову девицу... И вот беда перед праздником.

— При чем тут Василка?

— Так и ни при чем?..

— Нисколько!

— О!..

— Ты не вмешивайся, Степан! — блестя глазами, сказал Микола, выпрямляя спину. — Могу и без твоей помощи обойтись!

— И обходись! — с иронией сдвигает плечи Степан.

— И обойдусь! — решительно говорит Микола и уходит прочь, хотя тут же думает со страхом: «А куда идти?».

— Подожди, чудак! — догоняет его Степан, чувствуя, что зря обидел товарища. — Газуй к складу! Бери свечу и назад! А я, как окончу, помогу.

— Не нужно! — Микола сверкает зубами и мчится.

— Ты очумел? — зовет снова Степан. — Пятнадцать километров пешком! Возьми в будке мой велосипед!

Микола молча сворачивает к будке.

За несколько минут он исчезает за горизонтом. Степан, еще немного поискав свечу, снова садится за рычаги.

«Нехорошо, что я Василкой его упрекнул. Рассердился. Подумает, что и свечу нарочно спрятал!..» — укоряет себя Степан.

Тут же его воображение рисует завтрашнюю картину. Если Микола потеряет часа два, поля ему сегодня не вспахать. Степан обгонит его на семь гектаров. И тогда первое место присудят не обоим, как в прошлом году, а лишь ему, Степану. «Тьфу!» Степан решительно отгоняет эту мысль, но через секунду она снова надоедливой мухой лезет в голову. «А чем, собственно, он в этом простое виноват? Соревнование есть соревнование... Правда, секретарь парторганизации хвалит их за эту «крепкую производственную дружбу», как он говорит. Ну, а разве вечно нам делить первое место? Пусть бы меньше о девушке думал!»

Солнце садится все ниже и ниже. Микола не возвращается. Наконец, когда уже стемнело, он показался на дороге. Идет пешком, а велосипед ведет в руках.

— Камера спустила? — спрашивает Степан.

— Как только от дуба отъехал. Десять километров пешком. И его тянул.— Нахмуренный Микола бросает велосипед наземь и сам устало падает около него. Он весь мокрый от пота.

— Достал свечу?.. — несмело интересуется Степан.

— А-а!.. Ну ее!.. — Микола зло отмахивается рукой.

— Почему? Сейчас допашу, и рубанем вдвоем на твоем участке.

— Вон, смотри!

Степан подымает голову к небу и видит на той стороне Прута большую синюю тучу. В ее глубине, над лесом, сверкают вдоль и поперек белые молнии. Грома еще не слышно. Утих и ветер. Но туча приближается быстро. Не пройдет и получаса, как нагрянет дождь.

— Град, наверное... Эх, что-то не везет! Дай хоть закурить! — До изнеможения утомленный, Микола еле шевелит языком.

Степан из правого кармана замасленного комбинезона сочувственно достает сигареты, из левого — спички и... каменеет. Кровь приливает к его лицу, а глаза растерянно, испуганно смотрят на мрачного Миколу. Потом, вынув из кармана пустую руку, точно его там что-то укусило, парень хрипло сказал:

— Забыл, где спички... Посмотри у себя... — И, отвернувшись от товарища, долго очумело осматривает свои дрожащие пальцы.

Темнота быстро сгущается. Гром пробегает над головами, молнии блестят все ярче. Издалека, из-за реки, приближается шум дождя.

— Айда, Степане, дадим храпака!.. — с веселым отчаянием поднимается с земли Микола. — Все равно теперь ни пахать, ни праздник справлять... Теперь как залягу минут на двести!.. Еле стою, брат!

Он первым влезает в будку и, коснувшись головой маленькой, набитой сеном подушки, сразу закрывает глаза.

Допахав свой последний участок, поднимается к товарищу Степан. Темнота прячет его лицо, растерянное и тревожное. Спать он не может. Садится на скамейку, прислоняется спиной к наличнику и неподвижно смотрит грозе в темные, холодные глаза.

— Микола Сидорович...— осторожно зовет

Степан товарища по имени и отчеству, а не «Коля», как всегда.

— Что ты хочешь?.. — сонно отвечает тот.

— Ты, Микола Сидорович, может, сердишься за что-нибудь на меня? Может, думаешь, что я рвался сам-один на первое место?.. И... свечу от тебя... спрятал?.. — Голос Степана глохнет, обрывается.

— Все? Или еще что скажешь? — спрашивает Микола.

— Все...— вздыхает в темноте Степан.

— Ну и слава богу!.. Ложись спать...

Степан умолк. И потому, что Микола верит ему, как брату, еще больше волнуется. А через несколько минут он снова прикасается пальцем к Миколе.

— А может, ты думаешь, что я злюсь за Василку Боднарову? Это ты напрасно. Любитесь себе... Она уже тебя поцеловала...— Степан тихо выдыхает втянутый воздух.— А я тут при чем?.. Я лишь желаю вам счастья... Слышишь, Микола Сидорович...

— Дурень ты, Степку!.. — поднявшись на локоть, отвечает Микола.— Разве я тебя не знаю? Молчи! Дай мне отдохнуть, если сам не хочешь! Спи...

Но Степану не до сна. Он вкладывает руку в карман, в котором раньше искал спички, и, нащупывая какой-то предмет, тяжело вздыхает.

Долго-долго сидит он, всматриваясь в темноту. А дождь только попугал: посеял поле мелким серым маком, прибил пыль на дороге. Через полчаса размякли, побледнели тучи и ушли на восток, освободив из холодных объятий свежеобмытый, чистый шар луны.

Степан тихо поднимается. Внимательно посмотрев на спящего Миколу, осторожно вылезает из будки, наглухо закрывает за собой дверь. Надвинув на глаза шляпу с пером, он быстро идет в степь.

...Утро наступает яркое, первомайское. Услышав около самого уха, как ему показалось, рокот мотора, Микола с трудом раскрыл глаза, ногой открыл дверь будки.

Перед ним на мокром от росы кусочке еще не вспаханной земли дымит его же трактор. Розовое солнце серебрит плуги, освещает вымазанное мазутом, утомленное лицо Степана.

Микола прыгает из будки на землю и, раскрыв от удивления рот, идет к Степану. Тот уже заглушил мотор и вытирает тряпкой руки.

— Ты... Степане?.. — показывает Микола глазами на вспаханную свою делянку.

— А то кто же?

— Своим пахал?.. — Лицо его заливается искристой радостью.

— Твоим.

— Почему же меня не разбудил?

— Ты на ногах не стоял, вот почему...

— А свеча? Друзяко!..

Степан хмуро смотрит в сторону. Его рука что-то ощупывает в кармане комбинезона. Потом, решившись, он глухо говорит:

— Бей меня, Коля!

— Одурел?.. За что?..

— Бей!.. Только на меня не обижайся... — требует Степан, и в его глазах — огонь стыда и тревоги.

— Тю на тебя!.. — сердится Микола, чувствуя в поведении товарища что-то необычное. — А ну-ка дыхни! Не водочки ли хватил с утра ради праздника? Комсомол!

На лице Степана появляется гримаса муки. Он вынимает из кармана руку и протягивает Миколе.

На широкой шероховатой ладони тракториста — еще теплая свеча.

Лицо Миколы вытягивается, потом делается суровым. Степан внимательно смотрит на товарища и глухо говорит:

— Ты не думай... Я не спрятал ее от тебя... Искал-искал, а свеча эта в кармане была... Что-то случилось вчера со мной... Она меня закружила!

Несколько минут трактористы молча стоят друг против друга. Потом Микола запирает будку и поворачивает к селу, откуда уже доносятся радостные, праздничные мелодии. Степан метрах в десяти следует за ним.

Хаты и улицы встречают трактористов красно-оранжевым соцветием знамен и плакатов. Около криницы, где за развилкой склонились три вербы, стоит с полными ведрами Василка Боднарова в яркой, праздничной одежде. На ее свежем лице играет утренняя заря. На тугом венке ее кос вторично цветут весенние цветы.

— Поздравляю тебя с праздником, Микола Сидорович! — тихо говорит девушка, опустив глаза.

— Будь здорова, Василка! — весело отвечает Микола, обнажив ослепительно белые зубы.

Девушка несмело поднимает глаза от ведер и внимательно смотрит мимо плеч Миколы на приближающегося Степана.

Тот подходит неуверенно, замедляя шаг, обеспокоенно поглядывая по сторонам. Не дойдя до них несколько шагов, сворачивает в переулок...

— Странный этот Стефанко! — задумчиво говорит удивленная девушка. — В ту пятницу встретил меня около фермы. Взял за руку... «Подожди, — говорит, — Василко, до Первого мая... Что-то я скажу тебе... О моей, — говорит,— и твоей судьбе»... А теперь не поздоровался даже... Вот странный!..

Микола растерянно смотрит сначала на Василку, потом туда, куда ушел Степан. Он вспоминает вчерашний день, разговор с дружком на поле, найденную свечу, ночную пахоту Степана... И ему становится все-все ясно...

Микола бросает на Василку быстрый, обеспокоенный взгляд, потом круто поворачивается и широкими шагами пускается догонять товарища. О чем они разговаривают, Василка отсюда не слышит. Но, увидев, как Микола обнял Степана за плечи и как ритмично шагают они в ногу, убеждается, что товарищи говорят о чем-то хорошем, крайне важном для них. И Василка радостно вздыхает, улыбается. Но на сердце ее ласковая грусть.

На ступеньках кооператива сидят, опираясь на палочки, Максим Бортняк и Сидор Савко. Максим провожает подслеповатыми глазами обоих хлопцев, пока они не скрываются за деревьями. Потом, поворачивая голову к соседу, говорит:

— Опоздали наши... Видать, норму перевыполняли...

— Что? — шипит, не слыша, Сидор Савко, белый, как вишневый цвет, подставляя ухо.

— Задержались в поле хлопцы наши! — кричит Максим.— Норму перерабатывали, говорю!

— А-а, межу!..— догадывается Савко.— Какую межу? Ты за ту? Давнишнюю?.. Оставь меня в покое, Максиме!.. Бывало, у пана Мосенцзова...

— Э-э, пень глухой! — раздражительно бурчит Максим, недовольно посматривая на соседа за неуместные воспоминания. — Теперь начнет молоть про царя Гороха... — И Бортняк отодвигается подальше...

Село все полнее наливается праздничной песней. Солнце пригревает сильнее, и деды чувствуют, что и им наконец стало тепло. Широко раскрыв старые глаза, смотрят они вокруг на пышную жизнь.

Жизнь! Тем она и прекрасна, что ничего не возвращает назад, ничего не удерживает на месте, а несет и несет без устали вперед, открывая все новые, широкие дали...

Перевел с украинского
А. ДОЦЕНКО.

Монтажник Лень Чжи-дин, отличник труда, на стройке Уханьского металлургического комбината.

Фото Н. Драчинского.

«Семилетний план развития народного хозяйства СССР открывает новые, поистине замечательные перспективы развития экономического и научно-технического сотрудничества социалистических государств...»

(Из тезисов доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.)

БОЛЬШОЙ СКАЧОК

Нас, людей мира социализма, удивить трудно. В единой семье социалистических стран мы привыкли к великим свершениям. Но бывают и в семье братских стран события, когда трудно удержаться от чувства восхищения и гордости за друзей.

Именно такое чувство тебя охватывает, когда следишь за жизнью народного Китая. Мы гордимся, что путь «в десять тысяч ли» к могучему индустриальному Китаю преодолевается богатырским рывком. Вехи большого пути, что еще год — полтора назад маячили в отдалении, уже рядом и вот-вот останутся позади. Всего лишь год — полтора тому назад считали, что Китаю нужно 10—12 лет, чтобы догнать Англию по объему промышленного производства. Но уже в будущем году сталевары Китая дадут по меньшей мере 18 миллионов тонн стали, вплотную приблизившись к Англии и Западной Германии.

Рабочие Китая за один прошлый год увеличили выплавку стали с 5 с небольшим до 11 миллионов тонн. Чтобы сделать то же, свидетельствует история промышленного развития главнейших капиталистических стран, Англии понадобилось 32 года, США — 7 лет, Японии — 20 лет. Чтобы повысить выплавку стали с 11 до 18 миллионов тонн, Соединенным Штатам необходимо было 5—6 лет, Англии — 18 лет.

Уже в минувшем году шахтеры Китая выдали на-гора 380 миллионов тонн угля, на 50 миллионов обогнав Англию. С января по октябрь прошлого года в Англии добыто всего 182 миллиона тонн угля, что лишь немногим больше годового прироста добычи угля у наших друзей.

Суховат язык цифр, но, если вдуматься, сколько вдохновенного труда скрыто за ними!

Мощнее разливов великой Хуанхэ оказался трудовой порыв наро-

ГРАНИЦЫ, КОТОРЫЕ СОЕДИНЯЮТ

Веслав НОВАКОВСКИЙ,
польский журналист

В карьере «Туров».
← Фото Веслава Пражужа.

На юго-западе, в левом нижнем углу карты Польши, там, где сходятся границы трех социалистических государств, польская территория словно полуостровом вклинивается между Чехословакией и ГДР. Этот «полуостров» невелик. Длина его — около двадцати километров, а ширина не превышает тринадцати. Два самых больших населенных пункта здесь — Богатыня и Турошув. Ни один из них сегодня не насчитывает и пяти тысяч жителей.

В эти края, где можно видеть, как стаи птиц взлетают с деревьев, растущих на чехословацкой территории, и, покружившись над польской землей, опускаются в ГДР, все чаще выбираются польские журналисты.

Поселок Турошув — это несколько десятков домов, разбросанных среди холмов, поросших лесом, и карьер угольной разработки. Через несколько лет от поселка останется только название. Земля, на которой ныне стоят дома и растут деревья, будет снята экскаваторами. Возникнет отвесная вертикальная труба глубиной в 140 метров, а может быть, и больше. Экскаваторы отбросят в сторону тучную землю, камни и глину, доберутся до толстых пластов бурого угля.

То, что станет через несколько лет с Турошувом, происходит уже сейчас с несколькими селами. Их «поглотила» открытая разработка, имя которой «Туров». Она занимает площадь около пятидесяти квадратных километров. Экскаваторы, изготовленные в СССР, Чехословакии, ГДР, Польше, непрерывно нагружают железнодорожные составы. Две — три минуты — и десятивагонный состав уже готов к отправке.

Ежедневно отсюда вывозится шестнадцать тысяч тонн бурого угля и девятнадцать тысяч кубических метров земли, глины и еще чего-то, о чем знают геологи и что должно быть устранено, чтобы машины могли добраться до главных залежей богатства этого края — бурого угля.

Так происходит сегодня.

А в 1961 году уже будет добыт первый бурый уголь из новой разработки, создаваемой рядом с «Туровом» и названной «Туров-2».

В строительстве карьера нам окажут помощь трудящиеся ГДР. На это имеется договор между двумя дружественными государствами-соседями. ГДР — страна с богатым опытом добычи бурого угля. Кроме того, Польша получила от ГДР большой кредит на закупку необходимых для эксплуатации месторождений бурого угля машин и оборудования и приобретения технической документации, разработанной для «Турова-2» в берлинском предприятии «ПКБ-Коле». Кредит Польша будет погашать поставками бурого угля.

Бо́льшая часть добываемого в «Турове» угля прямо из карьера отправляется электропоездами в ГДР, где за Нейсе находится немецкая электростанция Гиршфельде. Она работает на польском буром угле, снабжая электроэнергией и польские заводы, города и села.

Пройдет несколько лет, и немецкая электростанция Гиршфельде уже не будет единственным потребителем польского бурого угля. В окрестности Турошува возникнет большая теплоэлектростанция, мощностью в один миллион киловатт; это почти четвертая часть мощности всех электростанций Польши в 1955 году.

При максимальной запланированной на 1968 год добыче угля в семнадцать миллионов тонн ежегодно его хватит более чем на 50 лет, то есть на то время, когда атомные электростанции уже перестанут быть технической новинкой.

Строительство в окрестностях Турошува столь мощной тепло-

да, с плеч которого свалены две горы, пригибавшие его к земле,— империализм и феодализм. Аккумулировавшаяся веками энергия народа, направляемая коммунистами, творит чудеса.

— Нужна сталь,— говорит партия.

— Есть сталь!— отвечает народ.

За четырнадцать дней умелые руки возводят цех Шицзиншаньского металлургического завода, а этот цех будет давать ни много, ни мало, а 100 тысяч тонн стали в год! За девять с половиной месяцев до срока введена в строй мощная домна № 1 металлургического комбината в Ухани. В Шанхае за несколько дней выстроен цех бесшовных труб площадью около двух квадратных километров. Чтобы поднять темпы производства металла, китайские друзья используют и так называемую «малую металлургию». С помощью небольших чугуноплавильных и сталеплавильных печей в стране добываются дополнительно тысячи тонн стали. Могучий металлический поток превратит Китай из страны бамбука, каким он был не так уж давно, в страну передовой индустрии.

Не только по стали и чугуну, но и по меди, алюминию, электрооборудованию и станкам Китай соревнуется с Англией.

Да, и станки! В три с лишним раза возросло производство станков в Китае в прошлом году, тогда как в Англии кривая производства этой важнейшей отрасли промышленности катастрофически идет вниз. Впрочем, весь объем промышленной продукции Англии, когда-то слывшей мастерской мира, спустился к уровню 1955 года, тогда как в Китае по отдельным видам продукции уже достигнут уровень производства, намеченный VIII съездом КПК на 1962 год!

Так быстро растет не только индустрия. Подвиги героев легенд меркнут перед подвигами рядовых крестьян нового Китая. Разве не он, крестьянин из Шаньдуна, Хэнани или Хубэя, поднял 58 миллиардов кубометров земли и камня, чтобы построить дамбы? На пять с лишним миллионов километров, то есть на четырнадцать расстояний от Земли до Луны, растянулась бы насыпь этого грунта высотой в один и шириной в десять метров! Плоды титанического труда налицо: менее чем за год орошено 480 миллионов му земли — вдвое больше, чем вся площадь Китая, которая была орошена за 4 тысячи лет до освобождения этой страны. Отошла в прошлое угроза стихийных бедствий, уносивших десятки миллионов жизней вместе с водами Хуанхэ и Янцзы. Невиданные ранее в Китае урожаи собирает свободный крестьянин на свободной земле. По полтонны зерна на душу населения приходится ныне в Китае, который ввозил продовольствие из-за границы.

Как тут не вспомнить «пророчества» заокеанских любителей политики «дальнего прицела», на деле оказавшейся политикой скорого провала! Оуэн Латтимор в свое время утверждал, что на индустриализацию Китая потребуется не менее столетия, Дин Ачесон 10 лет тому назад заявлял, что Китаю с его «перенаселенностью» невозможно разрешить проблему пропитания народа.

В какой глубокой луже сидят заокеанские пророки уже сейчас, когда могучий, единый китайский народ, сплоченный вокруг коммунистической партии, еще только берет разгон для прыжка к вершинам прогресса!

Разве не поразительно, что в стране еще 10 лет назад 98 человек из ста на вопрос о грамотности отвечали: «бушицзыды» (неграмотный),— а только за один прошлый год читать и писать научились 100 миллионов тружеников города и деревни, а в такой провинции, как Хэнань, в основном ликвидирована неграмотность, введено всеобщее начальное обучение и, более того, созданы целые комплексы вузов — промышленных, сельскохозяйственных, педагогических, медицинских! За прошлый год число вузов в Китае выросло в шесть с лишним раз — с 227 до 1 408. В пять с лишним раз расширена сеть заочного и вечернего образования.

Китайская поговорка гласит: «Одна рука и в море не вымоется». Бескорыстная научно-техническая и экономическая помощь индустриально более развитых братских стран помогла Китаю совершить большой скачок. Китай учится и строит, закаляет не только сталь, но и людей.

«Теперь... ветер с Востока довлеет над ветром с Запада»,— говорил Мао Цзэ-дун, характеризуя соотношение сил на международной арене в пользу социализма.

Паруса государственного корабля Китая надувает ветер с Востока, и никакому ветру с Запада не остановить его стремительного движения вперед.

М. КАПИЦА,
доктор экономических наук.

электростанции продиктовано не только богатством залежей бурого угля. Выбор места для сооружения станции здесь, у границ трех государств,— результат экономического сотрудничества Польши, Чехословакии и Германской Демократической Республики. Польская электростанция сможет включиться в энергетическую сеть, обслуживающую Польшу, ГДР и Чехословакию.

На «полуострове» предусматриваются и другие стройки. Згожелец — пограничный город на Нейсе — получит новый жилой поселок, который будет связан с разработками «Турова» линией электрички. Расширяется также Богатыня.

Начинают это большое строительство молодежные бригады, организованные союзом польской молодежи. Молодежь нашей страны приняла решение считать сооружение энергетического комбината в Турошуве своей стройкой.

Случайно (а может быть, и не случайно) получается так, что немцы и чехи, специалисты, которые приезжают сюда помогать монтировать оборудование, — тоже преимущественно молодые люди. А ведь известно, что там, где молодежь, всегда найдется время для песни, танца и забав. Поскольку же отсюда близко и до Чехословакии и до ГДР, то тут не бывает недостатка в развлечениях, товарищеских встречах, беседах, ибо три сходящихся границы не разделяют, а соединяют людей, работающих во имя одной и той же цели.

Мы благодарим всех друзей

Интервью с ЛИ СИН ПХАРОМ, Чрезвычайным и Полномочным Послом КНДР в Москве

Этот новый корейский бульдозер сделан по советским чертежам.

Фото ЦТАК.

В декабре минувшего года под аплодисменты рабочих из ворот Букдюнского завода вышел первый бульдозер нашего производства.

Теперь Корейская Народно-Демократическая Республика делает свои тракторы, экскаваторы, бульдозеры, свои станки. У нашей республики есть своя металлургическая и химическая промышленность. На прочном индустриальном фундаменте строится наша социалистическая страна. Волей Трудовой партии Кореи, самоотверженным трудом своих граждан КНДР одерживает победы в промышленности, в сельском хозяйстве. На 37 процентов увеличился в прошлом году выпуск промышленной продукции по сравнению с 1957 годом.

Оглядываясь на пройденный путь, мы отдаем себе отчет, что наши победы были бы невозможны без всесторонней помощи СССР, Китайской Народной Республики и других социалистических стран, без моральной поддержки братских народов.

Мы никогда не забудем, что Советский Союз оказал нам помощь на сумму в 1 миллиард 300 миллионов рублей. Трудно назвать такую отрасль промышленности в нашей стране, где бы не чувствовалась советская поддержка. С советской помощью были восстановлены и реконструированы сталелитейный завод в Синчхене, металлургический завод в Хванхэ, завод по производству железобетона, цементный завод. Вы, советские люди, помогли нам построить Хыннамский химический комбинат, текстильный комбинат в Пхеньяне, рыбоконсервный комбинат в Синпхо и многое другое.

Но это еще далеко не все. Нужно сказать и о специалистах, которые приезжали из СССР в Корею, чтобы помочь нам в развитии экономики. Нельзя не упомянуть о том, что в ваших вузах учится много корейских студентов и аспирантов. А разве можно найти какую-то конкретную мерку, чтобы оценить значение советского опыта, особенно технического? В СССР приезжают делегации специалистов из Кореи. Они возвращаются в Корею с новыми знаниями и с новым подъемом сил.

В трудные годы войны с империализмом китайский народ послал нам своих добровольцев. Империалисты не сумели сломить нашу страну. А когда мы стали восстанавливать ее после разрушений, китайский народ снова пришел нам на помощь. Мы получили от Китая 800 миллионов юаней. Китай слал нам зерно и уголь, железо и древесину и другие материалы. Сейчас народный Китай и народная Корея вместе строят гидроэлектростанцию на реке Ялуцзян.

В восстановлении нашей страны нам помогли все социалистические народы. На корейской земле выросли предприятия, которые построены с помощью Чехословакии, Польши, ГДР, Венгрии, Болгарии, Румынии.

Теперь народ моей страны планирует новый подъем экономики, собираясь в ближайшие три — четыре года в несколько раз увеличить добычу угля, производство стали, электроэнергии, зерна — всего, что нужно КНДР.

Восстановленная народная Корея — это лучший пример великой силы пролетарского интернационализма.

Мы благодарим всех друзей!

Мещерская НОВЬ

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Вот правдивый, невыдуманный рассказ об одном из колхозов. В то же время это рассказ о большой судьбе человека. Но прежде всего это рассказ о том, к чему ведет советских людей Ленинская партия коммунистов.

...Среди лесов и болот Мещеры есть маленькая станция Нечаевская, Московско-Казанской железной дороги. Мне хорошо знакомы эти места.

В детстве, когда гурьбою ходили мы здесь по грибы и по ягоды и возвращались домой с полными коробами груздей, брусники и гонобобеля, нам казалось, что край этот необычайно богат. И нас удивляло, что мужики из окрестных деревень постоянно жаловались:

— Нет, на нашей земле не прокормишься...

Лишь позже я понял, что в этих жалобах была своя горькая правда. Деревни здешней округи ютились на песчаных островках, окруженных болотами. Жили бедно. На скудных полях сеяли рожь, овес и картошку. Летом почти все мужики уходили «на торф», а зимой подрабатывали в лесу и возле стекольных заводов. Землей, то есть сельскохозяйственным трудом, прокормиться было немыслимо.

Но вот в 1928 году в деревне Нармучи организовалась первая в районе сельскохозяйственная артель. Вошли в нее Кондратий Иванов с семьей, братья Гусевы с семьями, Яков и Дмитрий Смирновы и Аким Горшков, которого сразу же выбрали председателем.

Аким Васильевич Горшков рос в очень бедной семье. В 1918 году он ушел добровольцем в Красную гвардию, а после гражданской войны, окончив краткосрочные курсы, остался в Москве и работал в судебноследственных органах.

Задумав объединиться в артель, земляки обратились к нему с предложением:

— Слушай, Аким Васильевич, ты был у нас в Нармучи вожаком с первых дней революции. Вместе с тобой воевали мы за Советскую власть. Теперь пришло время перестраивать нашу крестьянскую жизнь. Давай возглавь это дело.

И Аким Горшков вернулся в деревню...

Соседи-единоличники не верили, что из начинания коммунаров, как называли тогда первых колхозников, выйдет что-нибудь путное: уж очень слабой и бедной была артель. Всей живности у нее было — пара коров да старая лошадь, а сельскохозяйственный инвентарь — одна соха и телега. Капиталу же — сорок рублей.

Землю колхозникам выделили далеко от деревни, около станции Нечаевской. Тут был небольшой участочек пашни, а остальные угодья представляли собою заболоченный луг и лесные вырубки, заросшие мелким березнячком.

Коммунары приняли решение выехать из Нармучи на новое место, поближе к своим полям. На болотистой вырубке возвели они первую постройку — шалаш для жилья. Так с шалашного быта и началась история колхоза «Большевик», Гусь-Хрустального района, Владимирской области.

Ах, как тяжело было на первых порах! Но люди в артели подобрались упорные и в трудностях подбадривали друг друга. Многое, конечно, зависело и от вожака. Сумел он пробудить доверие к новому делу, как бы приподнял товарищей и помог заглянуть вперед.

Теперь это время уже далеко. Шалаш, в котором жили колхозники, сохранился только на фотографии, и лишь старики помнят печали и радости первой колхозной поры. Они могут рассказать, как на ссуду, полученную от государства, купили лошадей, обзавелись плугами, построили скотный двор; с яростным упорством поднимали болотную целину, корчевали пеньки на вырубках; год от года расширяли посевы...

К концу тридцатых годов возле станции Нечаевской поднялся новый колхозный поселок.

«Большевик» разрosся, окреп. Он уже имел свою небольшую электростанцию, три животноводческие фермы, собирал такие урожаи зерна, о каких прежде здесь не могли и мечтать.

Колхоз стал постоянным участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Его бессменного председателя, Акима Васильевича Горшкова, выбрали депутатом в Верховный Совет РСФСР. После войны за успехи в развитии сельского хозяйства он был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

К «Большевику», как к старшему и сильнейшему, примкнули, объединились с ним колхозы окрестных селений. Теперь в артели пять тысяч гектаров земельных угодий — пашни, огороды, луга и пастбища, которых в прежнее время здесь не бывало.

На заболоченной вырубке осенью 1928 года сошлись организаторы колхоза «Большевик». Слева направо: Яков и Дмитрий Смирновы, Аким Горшков и Федор Гусев.
— Здесь будем начинать,— сказал дядя Яша.
— Так и запишем,— согласился Аким.

Каждый год в колхозе возникает что-нибудь новое. Мне приходилось бывать здесь несколько раз. Я помню и первый шалаш на пустыре, и пуск небольшой колхозной электростанции в 1934 году, и открытие колхозного клуба, и то, как на молочнотоварной ферме вводилась электродойка, и как построили теплицу для непрерывной круглогодовой выгонки овощей, но каждый раз, приезжая сюда, удивляешься переменам. И даже как-то не верится, что вот здесь, где ныне сияет огнями колхозный поселок, когда-то было печальное болото, поросшее скорбным осинником.

Особенно поднялся и расцвел «Большевик» за последнее пятилетие. Неделимый фонд его теперь составляет пять миллионов рублей. Основное направление колхоза — товарное животноводство. Развивая его, «Большевик» дал в минувшем году 400 центнеров молока и 62 центнера мяса на каждые 100 гектаров земельных угодий. Птицеводческое хозяйство артели дало на каждые 100 гектаров посевных площадей 84 тысячи яиц.

Гарантией непрерывного развития животноводства в колхозе является полная обеспеченность ферм высококалорийными кормами. Это изобилие кормов принесла кукуруза. В севооборотах «Большевика» она заняла прочное место и на удобренных мещерских песках дает великолепные урожаи: по 900 центнеров зеленой массы с гектара...

Новые, широчайшие перспективы развития всех отраслей колхозного производства раскрыли перед «Большевиком» решения декабрьского Пленума ЦК КПСС. Как и всегда, ведущая роль в этом новом подъеме принадлежит коммунистам. Недаром областная партийная конференция избрала Акима Васильевича Горшкова делегатом XXI съезда КПСС...

Много в колхозе нового, родившегося в период между двумя партийными съездами: XX и XXI.

Я мог бы еще сообщить, что непрерывно развиваются не только хозяйственные, но и культурные ветви колхозной жизни, что теперь в «Большевике» имеется пять школ, два радиоузла, телефонная станция, большая библиотека.

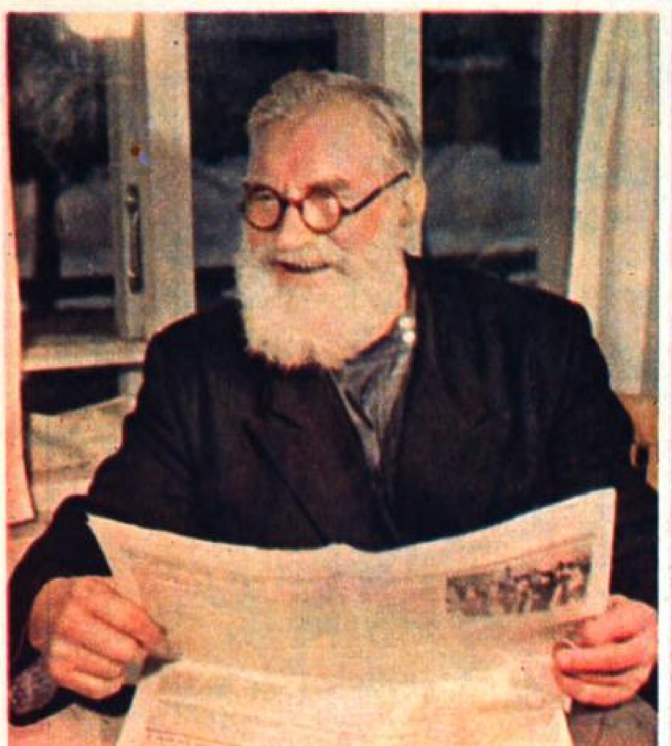
Но пусть о жизни этой сельхозартели с документальной правдивостью расскажут фотоснимки.

Начали они с того, что построили шалаш. Это было их первое жилище...

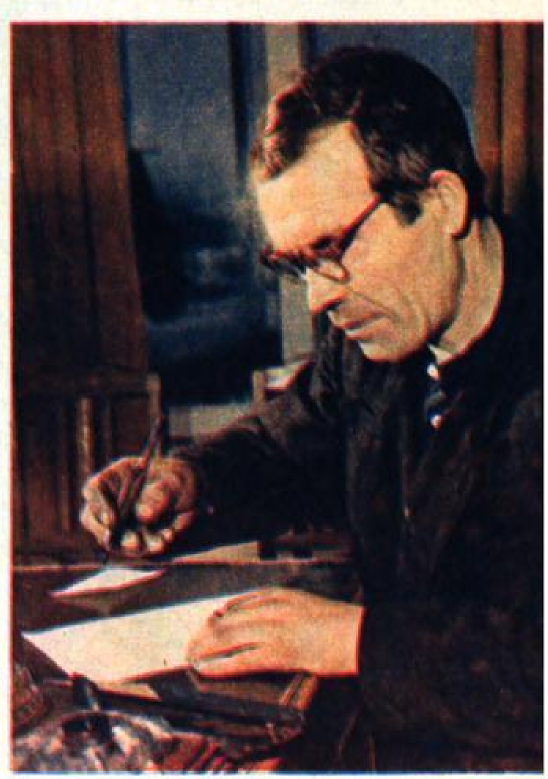
Прошло 30 лет. Бессменный председатель колхоза Герой Социалистического Труда Аким Васильевич Горшков дома, в своем кабинете.

А это колхозный конюх Борис Ильич Левочкин.

Доярка Нина Федоровна Зверева.

Сын одного из организаторов колхоза, Федора Гусева, первый механик «Большевика», Иван Федорович Гусев.

Вот так выглядит зимним вечером улица центрального поселка колхоза, возникшая на том месте, где стоял шалаш коммунаров.

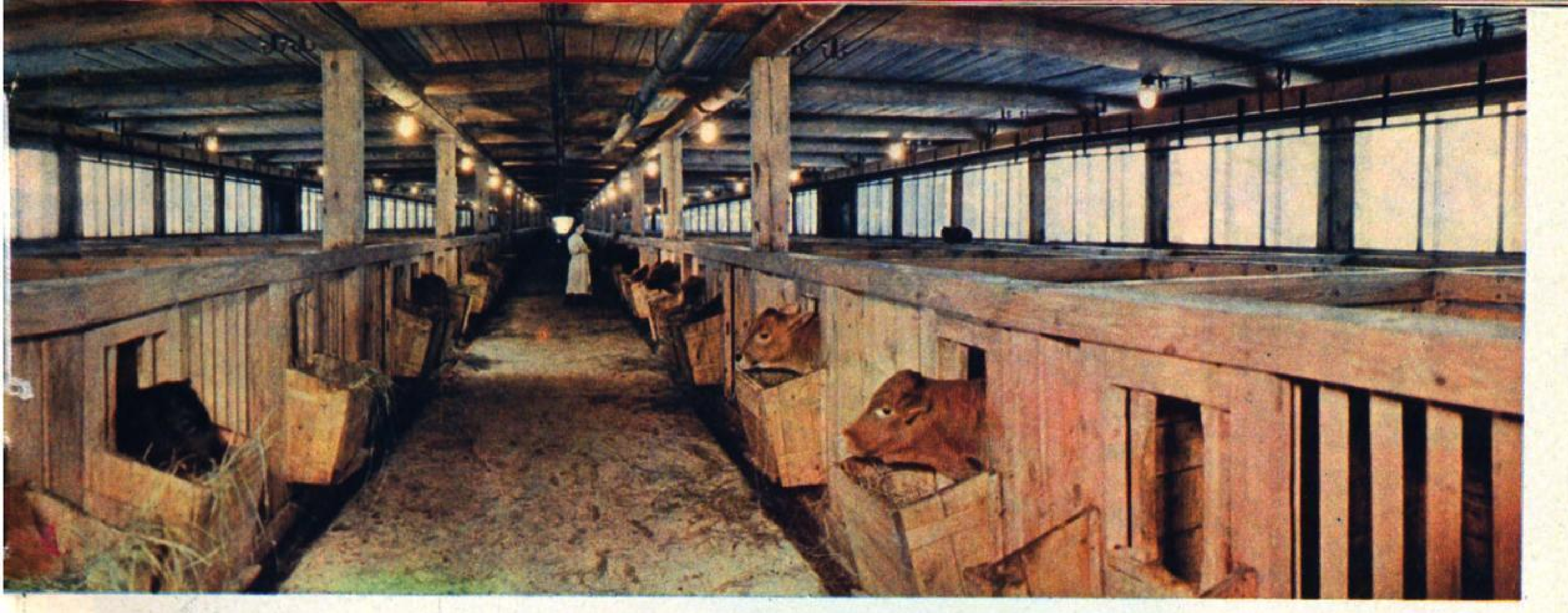
Молочнотоварная ферма колхоза дает отличнейшую продукцию. Жирность молона определяется тут же, в собственной лаборатории.
←

Валентин Смирнов — шофер первого класса.

Здесь расположены колхозная АТС и местный радиоузел.

Это светлое помещение — колхозный телятник.

Светлана Смирнова — колхозный агроном.

Секретарь правления колхоза Иван Яковлевич Смирнов за работой.

Гражданка Светлана Перепелкина по младости лет отдыхает в детских яслях колхоза.

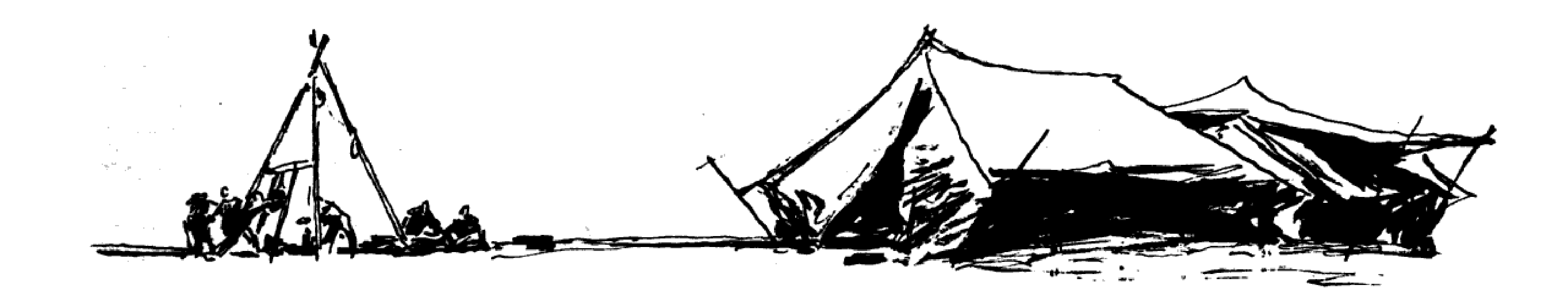

Мы вторглись в частную жизнь семьи. Фотоаппарат запечатлел тот момент, когда зоотехник Тамара Борисова была занята купанием сына Андрюши.

Телевизор... Он всегда собирает около себя зрителей. Колхозные доярки закончили рабочий день, но задержались в красном уголке скотного двора, чтобы посмотреть вечернюю программу телевизионной передачи

В радостной песне воспеть эту светлую жизнь! И вот, пожалуйста, самодеятельный хор на сцене колхозного клуба репетирует песню...

ВАНЬКИН КРЮЧОК

Рассказ

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Рисунки Н. ЧЕБАКОВА.

Увидев первый раз ржаные волосы Вани Тучкина, крохотный его носик, утонувший между румяными щеками, и синие-синие глаза, я невольно подумал, что, если он наденет даже самый модный костюм, ему все равно больше подойдет косоворотка навыпуск, перехваченная в поясе цветастым кушаком. А для полноты картины потребуется не волнистая линия песков на горизонте, а сочная зелень весеннего луга, усыпанного одуванчиками, с березовой рощей по краям.

Но Ваня вместо косоворотки носил тенниску с бурыми пятнами автола, на голове узбекскую тюбетейку с белыми узорами, похожими на запятые, и мог часами своим неторопливым владимирским говорком рассказывать о пустыне. Рассказывал он деловито, без лирических отступлений и описаний природы, как говорят хлеборобы о своей земле.

— С первой скважиной здесь повезло: забурили — и сразу руда. А на третьем участке я намучился: плывун — и все без пользы...

Правда, за шесть лет Тучкин почему-то так и не привык к обычным терминам местных изыскателей. Бархан он упрямо называл «песчаным бугром», такыр — «глиняным долом», а всю растительность Кызылкума, вплоть до саксаула, именовал «колючками».

Я заинтересовался тем, как попал Тучкин в пустыню и какая сила приворожила его к стране верблюжьих троп и беспощадного солнца. Мне казалось, что он вполне был бы на месте за штурвалом комбайна или за рулем трактора где-нибудь в казахской степи среди моря целинной пшеницы. В среде изыскателей он, безусловно, выглядел белой вороной. Он не обладал ни той особенной пренебрежительной лихостью, которой любят щегольнуть молодые буровики, ни умением снисходительно обмолвиться двумя — тремя словами про опасный переход, не принимал участия в складчине в день премиальных.

Все в нем было обыденно, просто, без малейшего намека на романтику...

Поздно вечером мы гуляли с Ваней в поселковом парке. Впрочем, парка еще не существовало — на пологом холме, откуда просматривался весь рудник, ровными рядами стояли скамейки, и за ними, чуть повыше ребристых спинок, торчали саженцы с первыми, редкими листочками. Некоторые «парковые деревья» можно было растоптать в темноте, и мы старались осторожно поднимать ноги.

— Растут! Честное слово, растут! — тихо рассмеялся Ваня.— Годиков через десять приду сюда, расстелю в тени одеяло и покажу песочкам кукиш. А ведь я сильно сомневался насчет парка.

Мы присели на полукруглую скамью на вершине холма, и я больше не выдержал, спросил Тучкина напрямик, почему он так одержим страстью покорять пустыню.

— Да я ее особенно и не покоряю,— пожал он плечами.— Работаю — и все.

Ему явно не хотелось продолжать разговор, но я не отставал:

— Значит, ты приехал и сразу привык? Даже домой не тянуло?

— Ну ты и сказанул!— фыркнул Тучкин.— Не то что домой, на волчье вытье тянуло! Все не мое, все не по душе было. Звезды черт знает какие, прямо хоть рукой доставай, тишина глушит, от солнца слепнешь, и, главное, по осеннему дождю скучал! Кажется, полжизни не пожалел бы, только чтоб дождь в косую сетку и в дожде чтоб желтые листья крутились...

Он помолчал и, словно окончательно убедив себя в чем-то, хлопнул ладонью по скамейке:

— Ладно! Добился, так слушай! Убегать я, конечно, не собирался: нету у меня в характере мелкой подлости. Работал честно (от природы я исполнительный), но по неделям ни с кем не заговаривал и, если бы склонность имел, запил бы, наверно, до белой горячки. Тоску мою умные люди заметили, и вызвал меня наш главный геолог Аркадий Иванович на откровенность. Я ничего не скрыл—честно сознался, что невмоготу мне больше тут оставаться, загнусь я под проклятыми колючками. В общем, наговорил я ему много жалостных слов и жду — ругать начнет, про комсомольский долг вспомнит, трусом обзовет. Но Аркадий Иванович снял очки и вздохнул:

— Странный ты парень, Ванька! Вроде и вправду как-то не к лицу тебе пустыня. Так и быть: доработаешь сезон, и переведу я тебя в экспедицию нашего управления на Волгу.

Ох, и обрадовался же я! Словно из омута вынырнул! Веселым стал, за час раньше на смену не ленился выходить и по легкомыслию с дивчиной одной, Тоськой-учетчицей, любовь закрутил. Перемену во мне ребята любви приписывали и не знали того, что по ночам, после двенадцати, я в табеле-календаре красным карандашом зачеркиваю дни. Зачеркиваю и прямо млею: скорей на Волгу!

Тучкин снова прервал рассказ и протянул руку в сторону поселка.

— Видишь, водонапорная башня светится? За тем песчаным бугром раньше овечья отара квартировала. Командовал ею старый чабан Насырбай. В гости к нам часто любил наведываться, чай пил и патефон слушал. Очень обходительный старик. Он и привел к нам Хамида. Объяснил подробно, что внук три года сидел в пятом классе, науки постигать не желает, к овцам тоже испытывает полное неуважение. Если начальник разрешит, пусть поучится на производстве. Денег ему не платить, не баловать, держать в строгости.

Начальник у нас молоденький инженер был, шутник, за словом в карман не лазил:

— Перевоспитаем тебе внука, Насыр-ата! У нас опыт есть. Мы одного недавно просто заново подменили. Вот он твоим Хамидом и займется.

Подмигнул он мне и как ни в чем не бывало продолжает:

— Но насчет денег — уволь. Не могу нарушать законы о труде и зарплате. Что причитается — получит. А вы, товарищ Тучкин, познакомьтесь с новым подсобным рабочим вашей смены.

Вышел я из палатки и вижу: стоит худенький стриженый мальчишка в куртке, перешитой из линялой гимнастерки. Ну какой из меня перевоспитатель! С чего начать знакомство, не знаю и нарочито сурово спрашиваю:

— Сколько лет?

А он, стервец, прежде чем ответить, ловко подхватил босой ногой песок и выдал кверху фонтан пыли.

— Пятнадцатый.

— Правильно,— ни с того ни с сего сдуру подтвердил я, совсем на себя разозлился и прикрикнул: — Почему не учишься?

— Скучно!

Ответил, словно рубанул, и что ему возразить, я не придумал. Задал еще один принципиальный вопрос:

— Слушаться меня будешь?

Промычал он что-то неразборчивое, и на том мы первый наш разговор закончили.

Поселил я его в своей палатке, брал каждую смену на буровую. Выполнял он все мои приказания, не отказывался от самой тяжелой работы, но молчал. Молчал угрюмо, будто уставший от жизни человек. Как я к нему ни подступался, буркнет «да» или еще чаще головой кивнет — и все.

Впрочем, особенно я за него не переживал. Все равно уеду скоро на Волгу, и пусть они тут разбираются, сами перевоспитывают.

Приехал как-то раз Аркадий Иванович к нам на скважину, опустился на корточки перед вынутыми образцами пород, а Хамид бежал мимо с канистрой солярки и голой пяткой прямо на керн. Чмокнул — керн и расплющился в жидкую кашу.

Я взбесился, хотел уже расправу учинить, но Аркадий Иванович остановил меня и с укоризной сказал Хамиду:

— Эх, ты! Не дал ему на солнце погреться, а он ведь полтора миллиона лет не видел солнца!

Вечером в палатке, вместо того, чтобы сразу юркнуть под одеяло, Хамид долго сидел на койке. Сидел, обхватив острые коленки руками, смотрел, не мигая, в брезентовую стену, шевелил губами...

А во время следующей смены удивил Хамид и меня и остальных ребят. Каждую свободную минуту подбегал он к вынутому керну, приса-

живался, как Аркадий Иванович, на корточки и, поглаживая скользкие цилиндрики, требовал у нашего коллектора точного ответа:

— А сколько этот без солнца, скажи?

Аркадий Иванович, узнав о странном вопросе Хамида, улыбнулся, снял по привычке очки и объяснил нам его состояние.

Дескать, зажмурился Хамид в первые часы своей жизни от слепящих лучей солнца, и с тех пор не знает он ни одного дня без его жгучего дыхания. Вот и потрясен он и испуган, что существует что-то, пусть даже неживое, пусть обыкновенный кусок сырой земли, который тысячи и миллионы лет пролежал в сплошной темноте...

Может, Аркадий Иванович и прав был — судить не берусь. Знаю другое. Первый раз не ковыряя по дурацкой привычке во время разговора ногой песок, не отводя глаза в сторону, Хамид спросил у меня:

— Аркадий Иванович — хороший человек, скажи?

— Хороший.

— Очень хороший,— серьезно поправил меня мальчишка.

Как-то само собой получилось, что заговорили мы с ним о холодных и жарких странах. Все, что я из книг вычитал, я ему выложил. Выслушал он про белых медведей, плохо понял, почему моржи не мерзнут в ледяной воде, и заключил:

— У нас лучше, правда?

— Сравнить нельзя! — согласился я, не задумываясь.

Потом я ему о Москве рассказывал, куда с отцом в детстве ездил. Тут уж я добросовестно, со звуками изображал ему метро и троллейбусы. И что ты думаешь? Не выражал он никакого желания туда поехать, не мечтал, как положено в его годы, о путешествиях, а неизменно интересовался:

— У нас в песках такое можно построить, скажи?

— А чего ж нельзя, можно! — обещал я ему.

Кончался мой сезон, месяца три всего осталось, и в те дни, будто специально город сам в пустыню к мальчишке пришел, началась проходка первого рудника, появились первые здания горняцкие. Наша экспедиция должна была продолжать разведку, и выделили нам десятка два шлакоблочных домов.

Услышал про это Хамид, вывел меня из палатки, и произошел у нас откровенный мужской разговор.

— Ответь, Иван-ака! Честно ответь: будешь Тоську-учетчицу в жены брать?

Я даже присвистнул:

— Лихо! А тебе что?

Замахал он в темноте руками и выпалил:

— Если не будешь, отпусти меня с вышки. Дом хочу строить. Построим дом — всю жизнь вместе проживем. Вдвоем: ты и я.

Я к тому времени знал, что все несчастья Хамида из-за ранней смерти матери. Отец на другой женился, мачеха пасынка люто невзлюбила, и старый Насырбай, несмотря на свой авторитет, ничего не смог уладить в семье...

В общем, заверил я мальчишку, что пока еще в холостяках мне нравится, и отпустил его в строительную бригаду. Отпустил с умыслом, чтобы подальше был: чувствовал, что привязываться к нему начинаю...

Ночевал Хамид по-прежнему в моей палатке, приходил в темноте, веселый, перепачканный глиной. Спросил я ихнего бригадира, не ленится ли мой воспитанник, а тот в ответ рассмеялся:

— Что ты! Одергиваю парня: боюсь, пружину поломает!

Все, что за день успевали строители, Хамид мне подробно докладывал и однажды прибежал сияющий, чуть не захлебывается:

— Дед на ишаке приезжал! Похвалил дом! Сказал: «Совсем Казанский вокзал!» А он знает! Он в Москве на выставке был! Пойдем завтра дом смотреть, Иван-ака, все видели — ты не видел. Пойдем!

Не пошел я ни завтра, ни через неделю. Пошел в день расчета, получив обещанное от Аркадия Ивановича направление на Волгу.

«Попрощаюсь с Хамидом — и точка! — старался я себя подбодрить.— Он про меня на другой день забудет. А на Волге сейчас осень и дождь. Стану где-нибудь под поломанную водосточную трубу, чтобы больше текло, и буду мокнуть...»

Дом уже почти закончили. Выскочил мне навстречу Хамид, улыбается во весь рот, веснушки от масляной краски на щеках.

— Стены красим, Иван-ака! Наша комната угловая, целых три окна!

Не знаю, отчего, но удержался я, не смог объяснить мальчишке, зачем пришел. Осмотрел сначала комнату, ладонью по деревянному подоконнику провел, потрогал ручки на дверях.

А Хамид носится волчком по комнате:

— Здесь койки поставим. Там стол, шкаф в складчину купим. И еще надо — ох, надо! — радиоприемник!

Глупо и трусливо поступил я тогда. Достал из кармана бумажник, не считая, вытащил пухлую пачку денег и протянул Хамиду:

— Я дарю тебе радиоприемник. Купи и слушай весь мир. Вспоминай Ваньку Тучкина!

Взял он деньги и вдруг замигал испуганно, прижался спиной к стене:

— Уезжаешь?

Пробормотал я, запинаясь, что не по нутру мне пустыни, русский я чересчур человек.

Он ничего не понял из моих оправданий, теребил хрустящие сотни и судорожно воздух глотал.

— Ладно! — прошептал.— Ладно! Бери Тоську в жены, бери! Я рядом поселюсь!

Покачал я головой, и тогда он мягко, по-кошачьи прыгнул ко мне, с размаху сунул деньги в раскрытый ворот рубахи.

— Мужчина, а врешь! Сразу врал: наше место лучшее. Зачем?

Глаза от злости стали у него холодные, слезы текут.

— Уходи! Быстро уходи! Ты качак! Качак!

Хлопнул я дверью, дрожу весь, а в ушах «качак» проклятый. И что обозначает, понять не могу! Догадываюсь, конечно, что не похвалил он меня, а перевести не в силах.

Возле наших палаток Сабира встретил, радиста из партии.

— Слушай, Сабир,— говорю ему.— Что такое «качак»?

Он ухмыльнулся и вместо ответа спрашивает:

— Слух пронесся: ты расчет взял?

— Да,— отмахнулся я.

— Вот ты и есть «качак». Дезертир по-нашему.

— Что?! — сжал я кулаки.

— Полегче, полегче! — отскочил Сабир.— Я шучу...

Но мне стало не до шуток. Чтобы меня сопливый мальчишка дезертиром назвал? Повернул я круто от палаток и обратно к дому. Бегу, и так складно в голове у меня речь для Хамида получается, слово за слово цепляется.

«Когда солдата на другой фронт переводят,— скажу я своему стервецу,— он не дезертир! Он, значит, там нужнее, от него там пользы больше...»

Примчался я к дому, а в комнате, где Хамид стены красил, пусто. Валяется кисть на полу, и ведерко с краской опрокинуто.

— Он к деду пошел,— сказал мне один из строителей.— Плачет пацан...

Не раздумывая, побежал я за бугор. Но пока по песочкам карабкался, к стойбищу добрел только в сумерки.

Вижу: горит возле юрты костер и сидят на кошме, ноги под себя подобрав, дед с внуком. Заметил меня Хамид, вздрогнул, сжался, а Насырбай помешал угли в костре, приподнялся, руку к груди приложил:

— Садись, Иван, гостем будешь!

Кипела у меня душа, и огрызнулся я со злостью:

— Ну, положим! Я вам не гость и не «качак»!

Очень по-своему понял меня чабан, рассмеялся сухим смешком.

— Верно! Хозяин ты и сосед! Раньше, кроме меня, никого в здешних песках не было. Ты приехал — город начали строить. Оба теперь хозяева.

Не дав мне больше ничего сказать, быстро повернулся Насырбай к Хамиду и строго прикрикнул:

— Безмозглый ты сын суслика! Никуда и не думал Иван сбегать! Работы ему еще много. Он тоже понимает, что если мужчина ушел на войну, он должен добиться победы. Если мужчина посадил яблоню, он должен вырастить плоды. Правильно, Иван?

Что я мог ответить? Разве после такого про Волгу и про дожди доказывать? Засмеет старик! А ведь он душой в тебя поверил! Нуждается в тебе, хозяином признал, а это для человека, наверное, главное. Когда я еще опять такие слова услышу...

— Правильно,— кивнул я головой и, чтобы стыд свой скрыть, весело Хамида по плечу хлопнул: — Ты мне все дедовским пловом хвастался! Тащи, угощай!

Мальчишку будто ветром сдуло. От радости даже шлепнулся парень.

До поздней ночи сидел я перед юртой старого Насырбая. Плов, конечно, ели, о жизни разговаривали...

Наутро, как узнали в экспедиции, что я остаюсь, сразу смешки пустили: «Попал наш Ванька на Тоськин крючок. Не отпустила девка». Да я не обижался и правду никому не говорил. Пусть болтают...

Тучкин умолк и очень серьезно закончил:

— Теперь я Хамида с действительной жду. А Тоська моя сына родить собирается. Так я прошу ее, чтоб повременила, чтоб Хамида вроде в крестные отцы определить...

Группа студентов Грузинского сельскохозяйственного института.

На коллекционном участке. В центре — профессор Валериан Ираклиевич Кантария.

ИНСТИТУТ НА ВИНОГРАДНИКАХ

И. МЕСХИ **Фото В. ДЖЕЙРАНОВА.**

Теплая, поистине южная зима стоит нынче в Грузии. Ранними утрами над остывшей землей клубятся густые туманы, но стоит солнцу войти в силу, как в прозрачной дали обнажаются горы и поля с характерным для этих мест кружевом виноградников. Они манят, зовут человека лишний раз подойти к лозе, взбить помягче ее ложе, удобрить землю, убрать сухую ветвь.

В эти погожие дни высыпала на виноградники и молодежь, старательно рыхлит, мотыжит, обхаживает каждое растение. И только по некоторым приметам, по тому, как иная из девушек неловко ухватила мотыгу, можно обнаружить, что это еще учащиеся.

Незадолго до начала нынешнего учебного года Дигомский виноградарский совхоз в Самгорском районе решено было выделить в качестве учебного хозяйства для будущих агрономов — студентов Грузинского сельскохозяйственного института. 227 рабочих совхоза были заменены студентами 1—4-го курсов. Половина из оставшихся в совхозе кадровых рабочих тоже училась в этом институте, на заочном отделении. Таким образом, когда начался сбор урожая, заочники обучали новичков, стали руководителями звеньев, бригад. Виноград был собран полностью силами студентов. Потом приступили к осенне-зимней обработке почвы, перекопке, вспашке... Южные поля, как известно, не дают отойти от себя почти круглый год. Да и зачем отходить, когда ты тут же и живешь!

Красивая усадьба бывшего совхоза с ее жилыми домами, клубом, столовой, библиотекой, здравпунктом, магазинами принадлежит теперь студентам. Здесь для них оборудовали общежития, благоустроили столовую.

Теперь в Дигоми будут строиться учебные и жилые корпуса, и сюда переедет полностью весь пятитысячный коллектив института. Студенты станут хозяевами соседнего молочного совхоза, межрайонного ремонтного завода. Им уже сейчас передали коллекцию виноградных лоз мирового значения. По всей вероятности, в Дигоми поселится и Институт шелководства.

Большие возможности открывает для занятий, практической и научной работы этот тихий уголок Самгорского района.

Начало всему положил небольшой отряд студентов, принесших молодость в усадьбу совхоза. А задор молодости очень заразителен. Первым это почувствовал директор учебного хозяйства старый практик-виноградарь Петр Георгиевич Соходзе. На днях он защитил диссертацию в институте, который окончил три десятка лет назад, и получил ученую степень кандидата наук. Тот, кто будет здесь жить, не сможет стоять на месте...

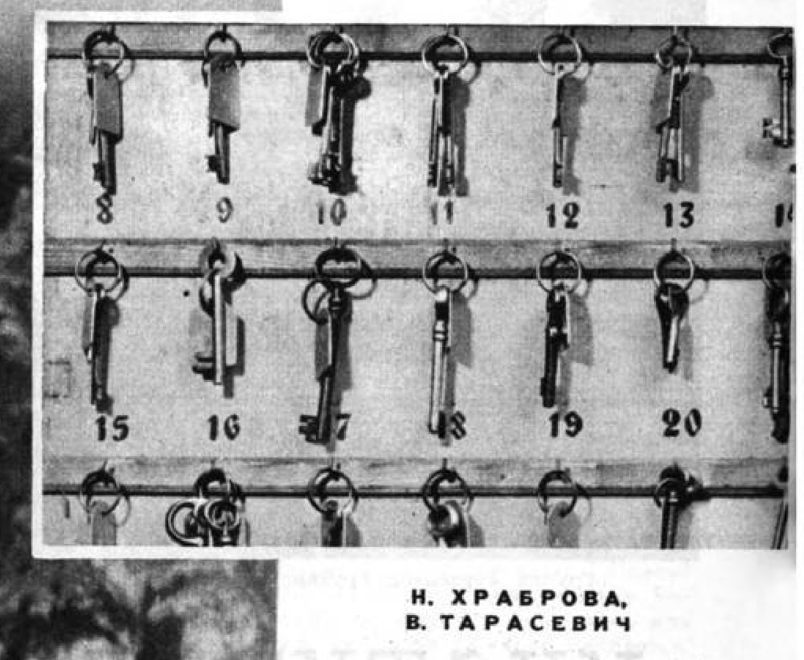

Студенты Цисана Мелкадзе, Ламара Шенгелия, Лили Сихарулидзе и Лили Урдия на виноградниках.

Усадьба бывшего Дигомского виноградарского совхоза в Самгорском районе, Грузинской ССР, где теперь разместился сельскохозяйственный институт.

В СУББОТУ И ВО

Н. ХРАБРОВА,
В. ТАРАСЕВИЧ

На Рижскую табачную фабрику мы попали в пятницу под вечер. Гасли светящиеся пояса на этажах, из фабричных ворот группами и поодиночке выходили рабочие.

— Смена кончилась? — спросили мы и услышали в ответ:

— Рабочая неделя кончилась!

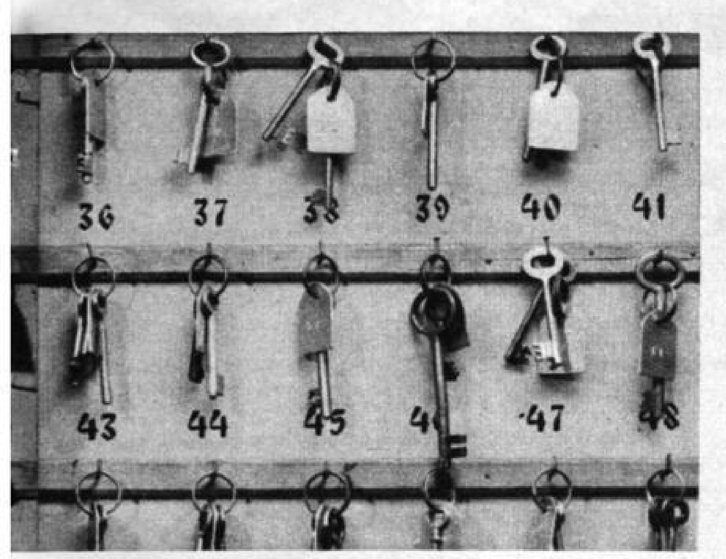
Да, здесь рабочая неделя кончается в пятницу. Два дня никто не снимет ключей с доски в проходной. На субботу и воскресенье остановилась Рижская табачная фабрика.

Не застав фабричного руководства, мы отправились в совнархоз Латвийской ССР, чтобы расспросить об этих двух днях председателя совнархоза Георгия Ивановича Гайле.

— Как и повсюду в нашей стране, предприятия Латвии готовятся к переходу на сокращенный, семичасовой рабочий день,— рассказал товарищ Гайле.— Наши табачники перестроили свои машины, укрупнили цехи, это повысило производительность труда и дало возможность сократить рабочий день на час. Но потом у нас появилась вот какая мысль: большинство-то рабочих на фабрике — женщины. Лишний свободный час — это хорошо. Но не лучше ли там, где можно, собрать эти часы вместе и дать людям второй выходной день? На партийных, профсоюзных собраниях особенно горячо высказались за второй выходной женщины. В порядке опыта и было решено ввести его у табачников. Многих читателей «Огонька», наверное, заинтересуют вопросы: как выполняется план? Не сказалось ли сокраще-

СКРЕСЕНЬЕ...

ние рабочего времени на оплате труда?

Прошло уже пять месяцев, теперь на эти вопросы можно ответить. Фабрика стала выполнять план на 105 процентов. На 20 процентов выросла производительность труда. Среднемесячный заработок каждого рабочего увеличился на 80—100 рублей. Снизилась себестоимость папирос.

Вот что показал наш первый опыт!

Если же хотите знать,— сказал в заключение товарищ Гайле,— как проводят табачники свои выходные, навестите их, увидите сами...

Мы последовали этому совету и в пятницу, после работы, в субботу и воскресенье навещали рижских табачников.

Молодежь слушает лекцию о спутниках и ракетах.

Двенадцатиквартирный дом на улице Русовас табачники строят своими руками. Он заложен всего полгода назад, а уже под крышей. Разве удалось бы его построить так быстро, если бы не второй выходной?

— У древней Риги богатая история. И каждая улица может о многом рассказать... Вот и эта площадь 17-го июня со знаменитой Домской церковью — целая страница истории.— Рабочие внимательно слушают экскурсовода.
Теперь появилось больше времени и на экскурсии. ↓

И в детском саду тоже кончилась «рабочая неделя». Уже у дверей мы услышали, как обрадовалась маленькая Маргарита:

— Мама пришла! Ты опять будешь со мной два дня?

А Екатерину Озолинь мы застали за стиркой.

— Сегодня управлюсь с домашними делами, а завтра отдохну, с ребятами погуляю и почитаю.

Нас пригласили на комсомольскую свадьбу Юлии Робак и Иманта Зламинова. Свадьба будет вечером в клубе. А пока идет торжественная церемония в загсе.

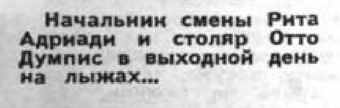
Электрик Адольф Шурна в субботу занимается в вечернем техникуме, а в воскресенье играет на саксофоне.

Механик Стефан Шейкис с дочерью Лонгиной пришли в театр. ↓

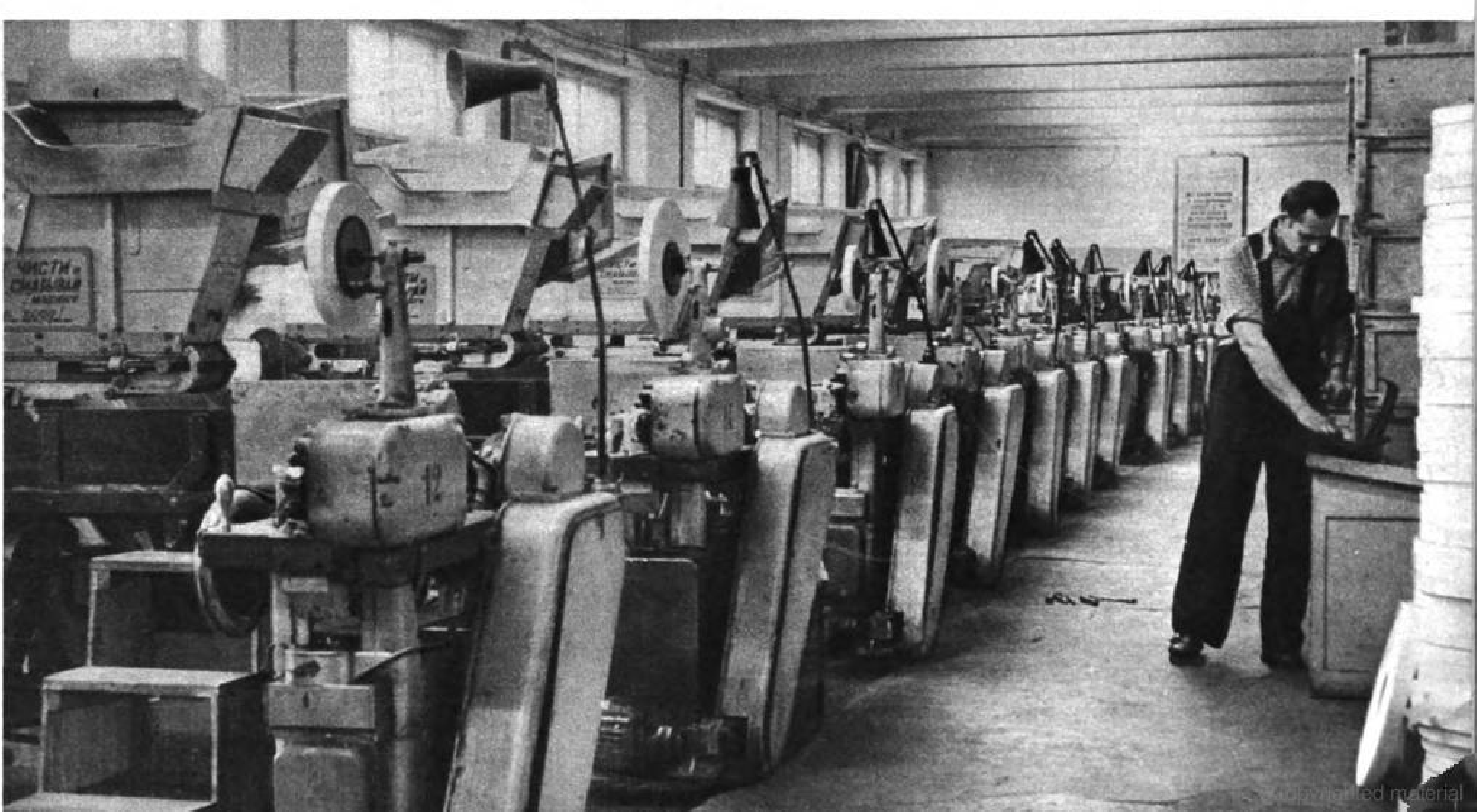

Один человек все-таки работал в выходной! Это был слесарь Александр Цирулис. Он готовит агрегаты к следующей пятидневке. Несколько месяцев назад фабричные механики создали эти агрегаты из двух машин: гильзовой и папиросно-набивной. Два цеха объединились в один. На 20 процентов выросла производительность труда на фабрике после такой перестройки! ↓

...И все считают, что два выходных подряд — это хорошо! И все радуются тому, что, как намечено в тезисах доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, у нас в стране будут самый короткий в мире рабочий день и самая короткая рабочая неделя.

Начальник смены Рита Адриади и столяр Отто Думпис в выходной день на лыжах...

← Машинистка папиросного агрегата К. Исакова танцует на молодежном карнавале.

Писатели и книги

ЭТО СИЛЬНЕЕ БУРИ

Спросили одного мудреца: «Что дороже золота?» «Дружба»,— сказал мудрец. «А что крепче железа?» «Дружба»,— снова сказал мудрец. «А что сильнее бури?» И мудрец воскликнул: «Дружба сильнее бури!»

В новом романе Шарафа Рашидова эту старинную восточную притчу рассказывает престарелый колхозный садовод Халим-бобо. Она служит как бы внутренним эпиграфом к роману, который утверждает идеи дружбы во всех ее проявлениях: между народами узбекским и русским, между единомышленниками — товарищами по борьбе и труду, между близкими, будь то муж и жена, отец и дочь, жених и невеста.

Не всегда просто и далеко не всегда гладко складывается дружба. Порой друзья оказываются недостаточно чуткими, внимательными, терпеливыми, тактичными. Но ни размолвки, ни даже ссоры и взаимные обиды не могут в конечном счете разрушить то, что, по слову поэта, объединяет «чувством семьи единой» всех строителей коммунизма.

Разные, совсем разные люди живут, любят, трудятся на страницах романа «Сильнее бури». Среди них неугомонная председательница сельского Совета Айкиз и суровый старый хлопкороб Муратали, недавний тракторист Иван Погодин и его невеста Лола, инженер-гидростроитель Смирнов и вездесущий секретарь райкома Джурабаев. Им в романе противостоят оторвавшиеся от народа председатель колхоза Кадыров, председатель райисполкома Султанов. Этих людей окружают прихлебатели-подхалимы, стяжатели, клеветники. На первый взгляд и они дружат, но панибратство собутыльников и тунеядцев мгновенно распадается, как только перед мнимыми друзьями возникает серьезная опасность. Обанкротился Кадыров, и от него тотчас же отшатываются и Султанов и «правая рука» зазнавшегося председателя-пройдохи Аликул. Такой «дружбе» не выдержать даже ветерка, не то что бури, и писатель убедительно показывает это.

В сюжетном центре книги — один из самых острых конфликтов нашего времени — конфликт между теми, кто отстаивает насущные интересы народа, и теми, для кого превыше всего собственное благополучие. «...Жизнь для народа и жизнь для себя» — так формулирует эти противоборствующие и непримиримые идейные позиции Джурабаев.

Центральный конфликт романа развертывается на полях и в горах сегодняшнего Узбекистана во всей полноте его неповторимых красок, бытовых особенностей.

В одном из многочисленных лирических отступлений писатель, рисуя ночной пейзаж современного Узбекистана, взволнованно восклицает: «Сколько же таких огней в степи! Каждый из них — всего только светлая крапинка на черном бархате ночи, но все вместе они сливались в необъятную картину размаха работ, дружного единства людей...»

Глубоко национальна щедрая метафоричность романа, его образный язык. Снега на вершине дальних гор сверкают, словно золотые узоры на бухарской тюбетейке, а хлопковые стотонные бунты на дорогах высятся заснеженными вершинами. Людские толки писатель сравнивает со степью: «Тут и колючка тебе попадется, и горькая полынь, и чудесный цветок, и мягкая трава, раболепно стелющаяся под ветром...»

Иные из этих метких сравнений восходят к древним литературным и устно-поэтическим традициям узбекского народа. Примечательно, что в художественной ткани романа они гармонически сочетаются с образами, порожденными новым общественным укладом, новым бытом. И тогда слава отличного работника расчищает и разравнивает ему дальнейший жизненный путь, как бульдозер. Домики в поселке целинников стоят ровненько, аккуратными рядами, точно пионеры на своих сборах.

Новое побеждает и в жизни и в образном строе романа, автор которого по праву обращается к своим героям с трогательным узбекским приветствием труженикам: «Хормангляр!» («Не уставайте!»)

Б. ЯКОВЛЕВ

Шараф Рашидов. Сильнее бури. Роман. Перевод с узбекского Ю. Карасева. Ташкент. 1958. 303 стр.

ТРУДНЫЕ СУДЬБЫ

«Поезд уходил из Читы морозным и ясным утром. На востоке из оранжевого тумана поднималось над сопками зимнее солнце. Навстречу этому солнцу и вечнозеленым сосновым лесам уносил его стремительный поезд. И на душе у него было безоблачно и светло, как было светло на снежных просторах Отчего края». Этими словами заканчивается роман Константина Седых «Отчий край». Ганька Улыбин, чьи отрочество и юность проходили в буревые годы гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, уезжает из Читы в родное село в дни, когда Советская власть окончательно установилась на Дальнем Востоке и Дальневосточная Республика воссоединилась с Советской Россией.

Большой любовью к отчему краю и к простым его людям, рядовым труженикам, пронизан роман Константина Седых. Ганька Улыбин еще подростком попал в водоворот событий гражданской войны. Он уходит в красные партизаны. Командиром партизанского полка становится его брат Роман. Их дядя Василий Андреевич — партийный работник. Ганьке приходится быть свидетелем того, как белые бандиты уничтожают всех раненых в партизанском госпитале. Он видит разгром партизанского отряда, долгое время скрывается в тайге вместе со смолокурами, попадает в плен к белым. В конце романа мы видим Ганьку секретарем сельского ревкома и руководителем сельской комсомольской ячейки.

Трудные человеческие судьбы проходят перед читателем в романе. Семен Забережный становится партизанским вожаком, талантливым военачальником. Но он не владеет даже начатками грамоты, вынужден полагаться во всем лишь на свой природный ум и классовое чутье, которое никогда ему не изменяет. При встрече с японской делегацией Семен Забережный вынужден сослаться на то, что забыл очки: он не может прочитать переданной ему бумаги. И, несмотря на это, мы видим, насколько он выше врагов, видим его внутреннее благородство и безграничную преданность интересам народа.

По-разному складываются судьбы, не каждому дано найти свое правильное место в жестокой борьбе между старым и новым миром.

Часто писателей упрекают за то, что их произведения перенаселены. Слишком много героев и персонажей, трудно их запомнить, авторы не сумели им дать запоминающиеся характеристики. Мне не хотелось подсчитывать, сколько людей проходит в романе Константина Седых перед читателем. Но можно с уверенностью сказать, что среди них ни одного лишнего, и каждый из них обладает своим характером, своими запоминающимися чертами. Ни с кем не спутаешь Кума Кумыча, сибирского крестьянина, идущего в партизаны. Подросток Гошка встречается нам всего два раза: в партизанском госпитале в начале романа и в конце романа в Чите, курсантом военного училища. И все же он запоминается, у него есть свой характер.

Отлично показывает Константин Седых сибирскую природу.

Роман «Отчий край» — несомненный успех талантливого писателя, певца Сибири и Дальнего Востока.

Павел ШЕБУНИН

Константин Седых. Отчий край. Роман. «Роман-газета» № 4, стр. 84; № 5, стр. 111. 1958.

ТАК НАДО ЖИТЬ!

В юности каждый выбирает героя, на которого он стремится походить, с которого решает «сделать жизнь». В 1910 году в статье об Иване Васильевиче Бабушкине Владимир Ильич Ленин подчеркивал необходимость издания брошюр с жизнеописанием рабочих-большевиков. «Такая брошюра,— писал он,— будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему». Подобную задачу поставили перед собой и составители сборника «Коммунисты». О людях, являющихся примером служения народу, самоотверженных и скромных, о беспримерном мужестве и верности долгу рядовых героев великой армии коммунистов рассказывает эта книга.

...Иван Васильевич Бабушкин — рабочий-революционер, усердный корреспондент «Искры» и горячий ее сторонник.

...Михаил Вилонов, знавший лишь одну правду — правду ненависти к старому миру — и лишь один страх — страх за жизнь товарища.

...Человек необычайной смелости и изобретательности, Симон Тер-Петросян, легендарный Камо.

Первые годы труда советских людей были похожи на бои. Отправляясь на Алтай, петроградские рабочие, организаторы сельскохозяйственной коммуны, увозили по совету Ленина вместе с плугами и сеноносилками винтовки с патронами, пулеметы.

Далеко от смоленской деревни Рыбки до Франции. Но вера в правоту своего дела, в победу народа объединяла в военные годы советских людей и участников движения Сопротивления Франции. И поэтому так много общего в письмах советской девушки, коммунистки Шуры Постольской, отдавшей жизнь за Родину, и расстрелянных гитлеровцами французских патриотов.

После войны на стройках, на полях, на заводах коммунисты опять впереди. «Самое легкое не есть самое лучшее»,— так говорит известный шахтер Иван Иванович Бридько. Имена героев других очерков известны немногим. Они, каждый на своем, пусть очень скромном месте, активно участвуют в строительстве коммунизма.

Сейчас, накануне XXI съезда КПСС, добрым словом хочется вспомнить тех, кто строил новое общество, тех, кто отдает все силы для счастья народа. Сборник «Коммунисты» — именно такое доброе слово.

И. ПЛЕШКОВА

Коммунисты. Госполитиздат. Москва. 1958. 507 стр.

Горят сердца миллионов

Предисловие к документальной повести Лю Бай-юя «Неугасимое пламя» написал Алексей Маресьев, и в этом есть глубокий смысл. Ли Лай-цай, герой повести,— собрат по духу Николая Островского, Алексея Маресьева, Прокофия Нектова и других мужественных и сильных людей. Потеряв ноги во время корейской войны, Ли Лай-цай не только научился ходить на протезах, но стал одним из лучших трактористов Китая.

Ли Лай-цай лишился ног в бою на 38-й параллели, защищая раненого командира от врагов. Целый день и всю ночь — самую лютую морозную ночь за всю войну — вел он бой с обмороженными ногами, пока не потерял сознание. Вскоре у него началась гангрена — ноги нужно было срочно ампутировать. Отчаяние охватило Ли Лай-цая, когда он очнулся после операции.

Всю жизнь лежать на боку, есть, пить, получать пенсию... «Это ли весна жизни?.. Какой смысл жить?»

Найти смысл жизни ему помогла книга Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке», о герое которой, Алексее Мересьеве, рассказал Ли Лай-цаю раненый политрук. Подвиг Мересьева поразил Ли Лай-цая. С этого дня он начал заниматься гимнастикой, учился ходить на протезах. Нестерпимая боль бросала его на койку, но Ли Лай-цай снова и снова вставал. «Человек без ног смог научиться не то что ходить, даже танцевать, даже водить самолет! А я не могу даже стоять на костылях?» — говорил он себе и по ночам, когда все спали, вставал на костыли и, обливаясь потом, учился ходить.

Откуда столько мужества, настойчивости и выдержки в этом скромном китайском пареньке? Что вдохновило его на подвиг? Повесть Лю Бай-юя дает ответ на это.

История советского летчика Маресьева послужила лишь толчком, помогла выбрать путь Ли Лай-цаю. Всей своей жизнью Ли Лай-цай был подготовлен к тому, чтобы совершить этот подвиг.

Повесть «Неугасимое пламя» — это книга не только о Ли Лай-цае. Писатель на документальном материале раскрыл трагедию китайского крестьянства во времена гоминдановского режима. Книга рассказывает о страшном голоде 1942 года, когда засуха, такая, какой никто не помнил, сожгла весь край, высушила реки и разорила деревню, в которой жила семья Ли Лай-цая.

Народная революция дала Ли Лай-цаю жизнь, в которой можно было есть досыта. Народная революция дала ему друзей, сделала осмысленным его существование. Он вступил в коммунистическую партию и поклялся отдать жизнь делу народа, строительства социализма в родной стране. Только такие высокие идеалы способны были зажечь то неугасимое пламя, которое горит в сердце Ли Лай-цая. «Этим пламенем, высоким пламенем жизни,— говорит писатель,— горят сердца миллионов наших братьев по труду. Если прежде его пытались загасить, не давали ему свободы, то теперь оно пылает везде, где люди трудятся и творят. Да, это пламя горит в груди у наших людей, освещая путь к грядущему счастью».

Ф. КУЗНЕЦОВ

Лю Бай-юй. Неугасимое пламя. Документальная повесть. «Иностранная литература». 1958. № 6.

Н. В. Кашина. СТЕПЬ ЗОВЕТ.

Государственный музей искусств Узбекской ССР.

С. И. Дудник. КЗЫЛГУЛЬ АННАМУХАМЕДОВА, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ КОЛХОЗА, ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ТУРКМЕНСКОЙ ССР.

XXVI шахматный чемпионат СССР

ПОСЛЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ

Сало ФЛОР,
специальный корреспондент «Огонька»

Где только не побывали советские шахматисты за последние годы! На Бродвее в Нью-Йорке, на Кунгсгатан в Стокгольме, на Пиккадилли в Лондоне, на площади Рембрандта в Амстердаме, на Плас д' Опера в Париже, на Флориде в Буэнос-Айресе. Блестящий шахматный ансамбль теперь выступает на проспекте Руставели в Тбилиси.

Тбилисцы искренне радуются, что творческий смотр шахматных сил в этом году проходит здесь. Они очень жалеют, что не приехали М. Ботвинник и В. Смыслов.

Каких только не бывает случайностей! В третьем туре, например, в результате жеребьевки 9 гроссмейстеров встретились с девятью мастерами. Гроссмейстерам требовалось доказать (и это им удалось), что это звание дается не зря. Мастерам же хотелось показать, что разница между гроссмейстером и мастером незначительная (что им почти удалось доказать!).

Настоящий «танец с саблями» исполнил Михаил Таль в партии с Л. Полугаевским. Одна жертва следовала за другой. Преследование черного короля не прекращалось до тех пор, пока Полугаевский не сдался в матовой сети на 34-м ходу. Зрители аплодировали так бурно, как в этом театре аплодируют обычно народному артисту Аканию Хорава.

Я. Юхтман, который во втором туре выиграл у Таля, намеревался победить и второго претендента на звание чемпиона мира — Т. Петросяна. Но не тут-то было. Гроссмейстер легко отразил попытки атаковать. Дело кончилось тем, что Юхтман понес крупные материальные потери, и у него не оставалось даже времени, чтобы сдаться: флажок упал.

Совершенно неясно, каким результатом закончилась бы встреча Д. Бронштейна с А. Никитиным, если бы Никитин неожиданно не «зевнул»... ферзя!

Следует отметить острую дуэль москвича Е. Васюкова с ленинградцем Б. Спасским. Эта встреча протекала напряженно, оригинально и доставила много волнений зрителям. Шахматисты играли, как жонглеры. Молодой чемпион Москвы выступает в Тбилиси с большим подъемом, хотя и он иногда нервничает. У него есть, между прочим, к этому основания. Дело в том, что у Васюкова как раз на Новый год родился ребенок, но через несколько дней ему пришлось сесть в поезд и уехать в Тбилиси. Так и не увидел он свою новорожденную доченьку, даже имени при нем не успели ей дать.

Вот к чему приводит страсть к шахматам! Зато скромный, симпатичный чемпион Москвы на турнире очень старается, чтобы не огорчить ни жену, ни дочку.

Тренер Таля мастер А. Кобленц, естественно, расстроился после проигрыша Таля Юхтману.

— Ничего,— сказал он,— в турнире есть восемь партий с гроссмейстерами, причем только в одной из них Таль играет черными. Надеюсь, что гроссмейстеры, как обычно, будут «снабжать» Таля очками.

Таль и в Тбилиси собирается проводить свою излюбленную тактику: побеждать основных своих соперников — гроссмейстеров. Е. Геллер проиграл Талю фактически без борьбы.

Судя по старту, в хорошей спортивной форме находится М. Тайманов. Он в отличном стиле победил своего друга Ю. Авербаха.

На торжественном открытии чемпионата каждому участнику пионеры сказали несколько теплых слов. Петросяну, например, они пожелали не стать «ничейным королем».

— Желаем вам единицы в турнире, а мы будем получать пятерки в школе.

Петросян стал избегать ничьих. Но когда он в четвертом туре благодаря упорной и цепкой защите спас трудную позицию с Полугаевским, то с такой ничьей его все же поздравили. Половина очка тоже пригодится.

Первым лидером чемпионата стал Борис Спасский. В одной партии он атакует, в другой контратакует, в третьей проводит эндшпиль, как шахматный академик.

Без курьезов не обходится ни один шахматный турнир. В четвертом туре Бронштейн занимал место за тем же столиком, за которым Никитин накануне «зевнул» ферзя. Но сегодня шахматная богиня сыграла злую шутку с Бронштейном. На этот раз на том же месте (около ложи директора) Бронштейн во встрече с Корчным сам оказался пострадавшим: он тоже «зевнул» ферзя.

— Сегодня я, а завтра ты! — воскликнул кто-то.

Пятый тур ничего не изменил в таблице. Появился «ничейный вирус». Пятый тур был рекордным по ничьим. Почти все десять партий окончились мирно.

В следующем туре многие участники тоже страдали от «ничейного ветра». Только Спасский продолжал свое наступление: энергичной игрой закончил он партию с Н. Крогиусом прямым попаданием — мат черному королю!

Добродушный С. Фурман нанес поражение Никитину.

После первой трети чемпионата лидирует Борис Спасский. Он идет в турнирной таблице под номером 13. Лидирует номер тринадцать! В Англии это, вероятно, многих удивит, у нас это не удивляет никого.

Нет в Индии более радостного и торжественного праздника, чем 26 января — День Республики.

Воплощенная мечта стольких горячих сердец — свободная от колониального гнета Индия живет, набирается сил. И поэтому столько улыбок в этот день на улицах, столько счастливых лиц!

Счастье... Каждый народ понимает его по-своему. Не так давно на страницах журнала «Страна Советов», издающегося в Индии на 12 языках, развернулась большая дискуссия на тему «Что такое счастье?». Редакция получила более тысячи писем, авторы которых — жители различных уголков страны.

Написанные от руки на многих языках Индии, большие и маленькие, эти письма захватывают своей непосредственностью. Читая их, видишь открытую душу и горячее сердце народа, который много выстрадал и, добившись наконец свободы, встает на ноги, чтобы стряхнуть с себя тяжелый вековой груз колониального гнета.

«Настоящее счастье подобно течению Ганга: человек забывает все, когда опускается в глубь него,— пишет читатель журнала М. Якуб из Канпура.— Счастье — это борьба за величественные идеалы. Что может быть выше борьбы за свободу и независимость родины! После долгих усилий мы добились свободы и сейчас стремимся возродить Индию и заложить основы новой жизни. Сейчас каждая минута приносит настоящее счастье».

Так пишут и сотни других читателей журнала.

Индийцы с горечью говорят о годах господства англичан. Ужасающая нищета, грязные улицы и лачуги, разоренные селения и забитые люди — вот что оставили после себя колонизаторы. Двести лет колониального гнета не проходят бесследно. Не случайно многие индийцы, думая о счастье, пишут так же, как написал Вирендра Парикар из Гвалиора:

«К счастью ведут три главные дороги: дорога, на которой есть пища, дорога, на которой есть одежда, дорога, на которой есть кров». А многие добавляют: и дорога, на которой не ждут болезни.

Но если говорить о современной Индии, то нужно прежде всего говорить о том, чего уже достиг и чего достигнет ее народ. Нужно говорить о строительстве гидроэлектростанции Бхакра-Нангал, о Бхилайском металлургическом комбинате, о заводе тяжелого машиностроения, который Индия собирается строить, о новых месторождениях природных богатств. В этом заложено будущее страны, ее счастье.

Самое же главное, основа всего — это стремление народа строить свою жизнь собственными руками.

Руководитель студенческой организации Гургаонского колледжа Ананд рассказывал мне о делах своей организации.

Уже давно существует проект моста, в котором нуждаются 16 деревень, расположенных вокруг Гургаона. Мост не строился из-за отсутствия средств. И вот сейчас молодежь решила построить этот мост собственными силами.

— На покупку материалов, на наем квалифицированной рабочей силы нужно не менее трех тысяч рупий,— рассказывал Ананд.— Мы разбились на группы и начали кампанию по сбору средств. Собираем деньги и строительные материалы. Мы этот мост обязательно построим! Нам хочется, чтобы индийская молодежь приносила бы своей стране столько же пользы, сколько советская молодежь своей Родине.

Не только благородный труд ассоциируется со счастьем. «Мир есть счастье,— твердо может сказать Индия»,— написал К. Кумар из Дели.

Здесь нельзя не привести выдержки из письма пламенного борца за мир, за свободу народов от колониального рабства Сайфуддина Китчлу. Он ярко выразил то, о чем говорилось в десятках и сотнях других писем.

«Мир и человеческое счастье взаимно связаны,— писал С. Китчлу.— Мир и счастье неразделимы. Именно поэтому борьба за мир в конечном счете является борьбой за счастье. Расистские законы, по которым человек только из-за цвета кожи унижается и оскорбляется, никогда не содействовали счастью. Это хорошо известно народам Азии и Африки. Все должны слышать их голос: колониальное рабство и счастье не могут плыть в одной лодке!

Счастье и свобода — вот что бьется в едином порыве в сердце каждого патриота, борца за мир».

Г. ИСАЧЕНКО.

Дели.

На твердом льду Гетеборга

Когда решался вопрос о месте для проведения первенства Европы по конькам, все единодушно назвали Гетеборг. Другим городам Швеции трудно теперь спорить с ним.

Ни Эскильстуна, ни Кристинехамн, где обычно проводились состязания, ему не соперники. Гигантская и пока единственная в мире холодильная установка для обслуживания 400-метрового ледового пояса-дорожки на стадионе «Нью Уллеви» смонтирована и опробована лишь несколько дней назад. Она предвосхитила все ожидания инженеров и спортсменов. Лед получился первоклассный, и твердость его не колеблется ни на один градус.

Второй такой же стадион с искусственной ледяной дорожкой для конькобежцев сооружается в Калифорнии, где будут проводиться зимние Олимпийские игры 1960 года.

На нашу просьбу сделать небольшой прогноз о результатах первенства в Швеции вице-президент Международного Союза конькобежцев Свен Лофтман ответил не сразу:

— Да, знаете, это весьма щекотливый вопрос, и я бы не хотел быть пророком. Но по-дружески вам скажу, что абсолютный чемпион Олег Гончаренко еще в хорошей форме, и, если ничего привходящего не произойдет, он первый претендент на звание чемпиона Европы. Его, как и в прошлом году, будет чувствительно подпирать сильнейший соперник, его земляк Владимир Шилыковский и норвежец Кнут Юханнесен. Значит, ему нужно будет не только чаще оглядываться, но и суметь хорошо вырваться вперед.

В Гетеборге член Оргкомитета по проведению чемпионата Гунваль Хокансон сообщил, что в первенстве Европы участвуют конькобежцы Швеции, Норвегии, Финляндии, Голландии, СССР, Швейцарии, Италии, Франции и Англии. На этой неделе дадут ответ о своем участии команды Чехословакии, Польши, Венгрии, Австралии и ГДР.

Советские конькобежцы будут размещены в отеле «Хеден» — в пятистах метрах от стадиона.

Соревнования начнутся 31 января и закончатся первого февраля. Спустя две недели в Осло будет разыгран чемпионат мира по скоростному бегу по конькам.

Иван ГОРЕЛОВ

Гетеборг.

Стадион «Нью Уллеви» в Гетеборге, где будут происходить состязания конькобежцев на первенство Европы.
Фото Н. Киселева.

Г. Репин. «У пруда». Картинная галерея одного из цехов Харьковского электромеханического завода.

МОЛЬБЕРТЫ В ЦЕХАХ

М. МЕРЖАНОВ

Фото Я. Рюмкина.

Студенты Харьковского художественного института, замкнутые в четырех стенах учебных мастерских и аудиторий, окруженные гипсовыми фигурами древнегреческих богов олимпийцев, старательно рисовали классические формы человеческой головы и торса...

Есть у них еще летняя практика. Но и она большей частью проходила в знакомом окружении «гипсовой натуры». Некоторые студенты в дни каникул выезжали «на природу». И все же они задыхались в узких рамках программ учебных заданий.

Так было до тех пор, пока не родилась дружба художественного института с харьковскими заводами.

Были заключены договоры на «социалистическое содружество». Одна сторона обязывалась создать на заводе выставку живописи, графики и скульптуры. Вторая — давала «живую натуру»: металлургов, инструментальщиков, слесарей — героев нашего времени.

Договоры были подписаны. Студенты с мольбертами и этюдниками, с глиной, тушью и кистью, а то и просто с блокнотами и карандашами появились у станков, на лестничных клетках, откуда виднелась вся перспектива цеха под стеклянной крышей, где чувствовалось дыхание производственной жизни.

Студенты рассказывали мне, как они волновались при виде этой необычной картины: световых пятен, рожденных электрическим огнем, солнечными лучами и лампами дневного света...

После гудка в красном уголке, а иногда и на заводском дворе, под тенью уютного дерева, художники и скульпторы ждали людей, еще не снявших замасленных спецовок.

Здесь делались беглые наброски, этюды, рисунки, тут зарождались большие композиции будущих картин. В центре их стоял трудовой человек.

Студенты увлеклись теперь своим творчеством, своими новыми объектами. Это нисколько не повлияло на академический курс. В программе остались Аполлон, Венера и Давид, созданный великим Микеланджело, остались натурщицы с гармоничным сложением тела и характерные старички. Но ко всему этому добавилась большая армия «натурщиков от станка», или, как они сами себя в шутку называли, «Аполлонов в спецовках». У них были характерные черты лица и хорошо сложенные фигуры.

Не удивительно, что многие студенты нашли темы дипломных работ в цехах, среди знакомых уже им людей. Так, Е. Данилевским создана картина «Проба стали», а А. Криволаповым — скульптура «Рабочий сталевар». Эти произведения побывали на нескольких всесоюзных выставках — в Москве, Киеве — и за рубежом.

Восемь лет назад в Доме культуры Харьковского тракторного завода открылась первая постоянно действующая художественная выставка. Было представлено 180 работ. Посетители увидели на экспонированных картинах не только себя, свои станки и цехи; главное,

Начальник 2-го инструментального цеха Харьковского электромеханического завода В. В. Коптев (первый справа) рассказывает о поездке в Шотландию.

А. Ивченко. «Лучший слесарь А. Заславский».

они увидели и осознали красоту своего труда, красоту своего бытия.

А студенты пошли дальше: создали картинные галереи в колхозе «Маяк» села Мартовое, в Ковяговской РТС, в двух колхозных клубах Зачепиловского района, в Краснограде; художественно оформили многие сельские клубы, районные дома культуры, дворцы пионеров.

Крепла дружба института с заводами. В ученом совете вместе с руководителями кафедр вопросы изобразительного искусства обсуждали почтенные люди труда: токарь-скоростник В. Дикань, фрезеровщик Н. Лупандин, старший мастер цеха И. Крюковский. Увлечение живописью, естественно, привело к тому, что родились самодеятельные кружки на предприятиях. Им тоже помог институт.

Сравнительно недавно открылась новая большая выставка, занявшая четыре зала Дворца культуры Харьковского электромеханического завода,— самая интересная и богатая галерея, созданная институтом. Здесь — живопись, графика, скульптура, образцы театрально-декоративного искусства. Картины разместились и непосредственно в цехах и в красных уголках при них.

В первые же дни после открытия выставки ее посетили десятки тысяч рабочих. Они приходили сюда с женами, детьми, приходили, как на праздник. И, может быть, одно это уже показывало духовный рост людей, которые потянулись к живописи так же, как к литературе, музыке, театру.

Зрители рассматривают большие полотна, карандашные зарисовки, скульптуры, жанровые сцены, портреты. Узнают друзей, самих себя.

Молодежь подолгу стоит у картины «Первенец». Это очень интересная дипломная работа А. Луценко. Ее экспонировали на Всесоюзной выставке в Москве, затем в Киеве, напечатали в журнале «Огонек» и во многих других. Сейчас она вновь вернулась «домой» — в галерею Дворца культуры ХЭМЗ. Неподалеку от нее висят картины Н. Лоя «Довбушевы верховины» и А. Журбия «Дали полтавские» — дипломные работы, выполненные в Закарпатье и на берегу Ворсклы. Привлекают внимание натюрморт М. Шапошникова, большое полотно А. Сафаргалина «Хлеба созрели», выразительная композиция Б. Колесника «Первая весна», работа А. Сайкиной «Шефы», множество разнообразных портретов, принадлежащих кисти студентов.

Со всех стен выставки на вас смотрят люди с ярко выраженными характерами. Они живут интересами своего времени, верят в будущее. Некоторые из них уже находятся в этом будущем, создают продукцию в счет шестидесятых годов.

Чувствуешь, что многие художники пребывали в восторге перед величием человеческого труда, изучая своих натурщиков. Видно, что они ловили то мгновение, когда лучше всего можно понять сокровенные думы человеческие, психологию человека, его нрав.

В залах галереи много скульптур... Это тоже сталевары, карусельщики, механики. Хорошо выполнены работы Н. Михайловского «Начальник цеха С. Завалишин», А. Ивченко «Лучший слесарь А. Заславский», А. Зимина «Слесарь Н. Офицеров».

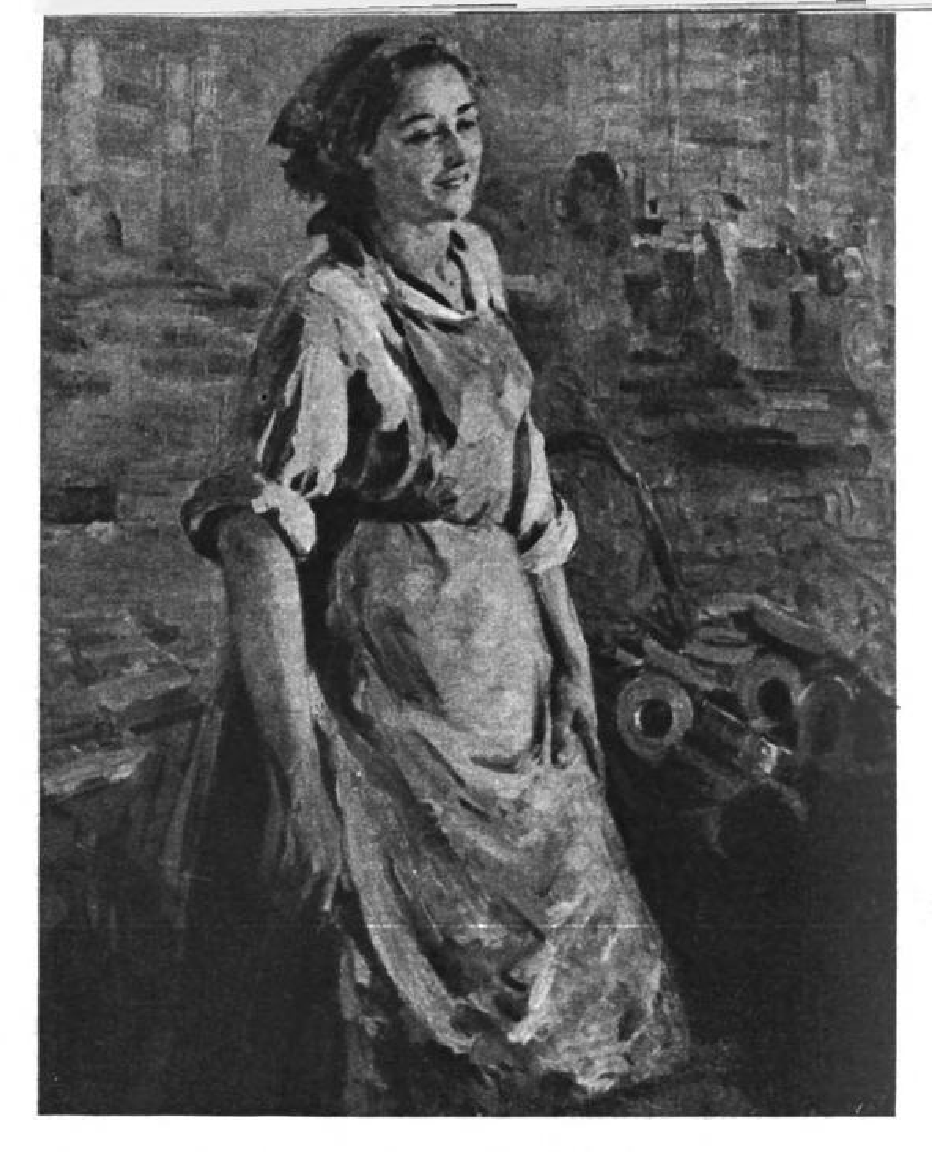
У скульптурного портрета начальника инструментального цеха Коптева, выполненного в мраморе, стоит сам Василий Васильевич Коптев, окруженный молодыми рабочими.

Прислушиваюсь.

— ...И вот лорд Фенол устроил в своей резиденции — в муниципалитете города Ковентри — прием. Все хорошо. Выпили, затем англичане начали петь. «А вы петь можете?» — спрашивают меня. «Могу,— говорю,— нужен рояль». Вмиг притащили из соседнего зала красный блестящий инструмент и поставили среди зала. И вот выхожу я, словно артист народный... Сел, сыграл, спел им русские песни... Слышу аплодисменты — понравилось, значит. Тогда мистер Опеншоу спрашивает: «А рабочие ли они?» Ах, ты, думаю... И вот на металлургическом заводе Эди Уоркса я засучил рукава и показал, как надо работать... Переглянулись. Затем на другом заводе у фрезерного станка работу показал Дмитрий Макеев. Затем Василий Кокошка. Раскрыли рты, пожимают плечами... А на другой день в газетах портреты и «открытие»: действительно, делегация рабочая, вот те раз!..

В скульптуре таким вот В. В. Коптев и показан.

В зале графики, где представлена большая портретная галерея, обращают на себя внимание рисунки Г. Кашельникова. Интересны работы М. Воронько, Я. Потапова, И. Величко. Из этой серии портретов создан альбом эстампов.

Н. Скорикова «Портрет работницы».

Рассказывают, что живописные и графические портреты рабочих действуют на их трудовую активность не меньше иных сводок показателей или стандартных фотографий. И, глядя на реакцию зрителей на выставке, легко веришь этому.

В одном из цехов Харьковского электромеханического завода, где работает бригада коммунистического труда, преподаватели института повесили на окна красивые шторы, рисунки, картины.

В другом цехе в красном уголке мне показали картинную галерею. Раньше здесь висели пожелтевшие плакаты и старые вырезки из газет, диаграммы, схемы. Сейчас стены красного уголка заново выкрашены. Вместо лампочек без абажура висят люстры. Под потолком тянутся блестящие трубки, от которых идут белые шнуры,— они держат картины. Кто-то с большим вкусом отобрал живопись в эту цеховую картинную галерею. Здесь много солнца, света, яркой зелени. Плакат гласит: «Выставка студенческих работ летней практики».

В Харьковском художественном институте мне сказали, что за годы социалистического содружества студенты, главным образом выпускники, передали заводам, колхозам, клубам, дворцам культуры более тысячи работ, которые сейчас экспонируются в созданных там галереях.

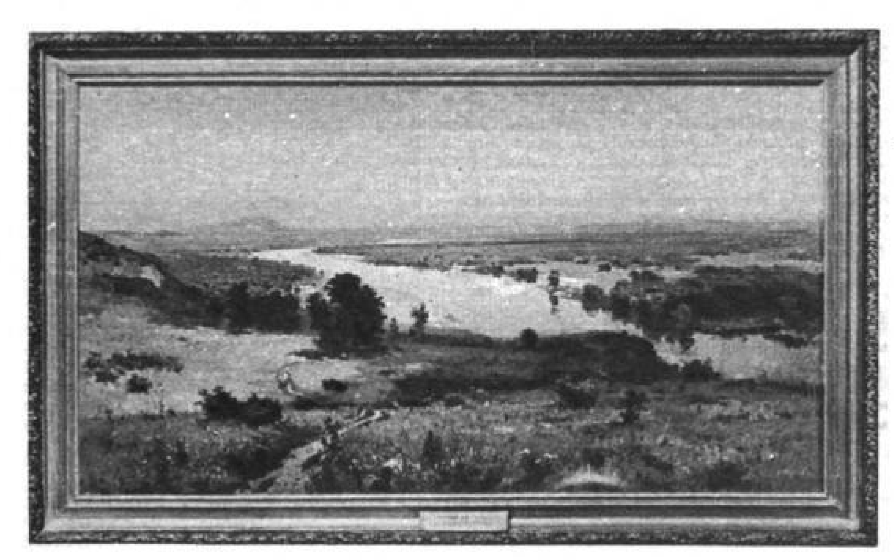
Есть и другая сторона этого важного начинания. Воспитывая эстетические вкусы рабочих, молодые художники находятся в их среде, живут их интересами, их мыслями. Все это влияет на творчество студента, на формирование его характера.

И это взаимовоспитание — едва ли не главный итог социалистического содружества.

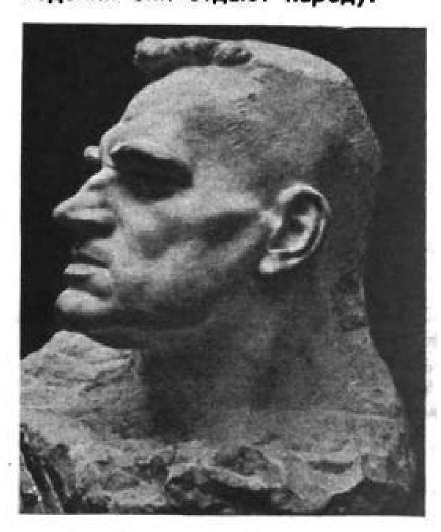
Невольно подумалось: а почему хороший пример Харьковского художественного института не перенять другим? У нас в стране десятки высших и средних художественных учебных заведений. Каждый год большая армия студентов-выпускников сдает свои труды в так называемый «методический фонд»... в подвалы институтов. Лишь очень небольшая часть их выставляется для обозрения.

А сколько бы галерей появилось в заводских дворцах, в колхозных клубах, школах, институтах, если всем им передать дипломные работы студентов-художников! Как вырастут эстетические вкусы, понимание живописи, способность наслаждаться красотой, если опыт харьковского института будет подхвачен!

В то время, как созданные холодными руками копиистов-артельщиков «Мишки» и «Аленушки» все еще заполняют магазины и художественные ларьки на рынках, а оттуда порой перекочевывают в клубы, школы, на заводы, молодые харьковские художники ломают эту дурную традицию. Лучшие, признанные свои произведения они отдают народу!

А. Журбий «Дали полтавские».

Н. Михайловский «Начальник цеха С. Завалишин».

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

НОВАЯ, ПЕРВАЯ В МИРЕ!

В свое время «Огонек» сообщил о нашем предложении — создать новую землеройно-фрезерную машину высокой производительности.

Сейчас первый опытный образец этой машины изготовлен и успешно проходит испытания. Она создана коллективом Воронежского экскаваторного завода имени Коминтерна.

Преимущества ее особенно наглядны в сравнении с одноковшовыми экскаваторами.

Дело в том, что одноковшовые экскаваторы работают циклично: ковш заполняется землей, затем переносит грунт и выгружает его; после этого экскаватор делает обратный поворот, и ковш возвращается в забой. Такая цикличность в работе ограничивает производительность одноковшовых экскаваторов. У четырехкубового экскаватора она составляет всего 1 500—2 000 кубометров в смену.

Мощные шагающие экскаваторы более производительны. Но применение их даже на крупных строительствах далеко не всегда удобно. Чтобы шагающий экскаватор разобрать, перевезти его со стройки на стройку и затем смонтировать на новом месте, надо потратить более года. При этом для перевозки требуется два железнодорожных состава, а в монтаже участвует около ста рабочих.

Если сопоставить все это с тем, что сами земляные работы на стройке длятся обычно не более 2—3 лет, то будет очевидно, сколь высока их себестоимость.

Сосредоточивая на крупных строительствах большое количество таких машин, необходимо строить для них ремонтные мастерские и заводы, а для многочисленного обслуживающего персонала — большие жилые поселки. Это тоже усложняет и удорожает строительство.

Все это и выдвинуло вопрос о создании новой землеройно-фрезерной машины. В Гидропроекте Министерства строительства электростанций и Научно-исследовательском институте строительных и дорожных машин разрабатывалась ее конструктивная схема, шло проектирование, на специальных моделях проводились опыты.

И вот она перед нами—«ЗФМ-3000», состоящая из фрезерного рабочего органа, ленточных транспортеров, гусеничного ходового устройства и дизель-электрической станции.

В отличие от экскаваторов рабочий орган новой машины не имеет ковшей. Фрезы с ножами укреплены на горизонтальном валу. Вращаясь, они обрушивают грунт и подвигают его на выдающий поворотный транспортер, который доставляет грунт в отвалы.

Непрерывная разработка грунта сочетается с движением машины. Это и обеспечивает очень высокую производительность. При малом собственном весе (около 90 тонн) землеройно-фрезерная машина дает в смену 12—14 тысяч кубометров. Это в 6—7 раз больше, чем может дать четырехкубовый экскаватор, весящий около 180 тонн. Стоимость земляных работ с применением «ЗФМ-3000» снизится в три — четыре раза.

На крупных стройках и на добыче полезных ископаемых открытым способом (в карьерах, в разрезах) можно будет резко сократить сроки земляных работ, что позволит сэкономить около 200—300 миллионов рублей в год.

В скором времени машина «ЗФМ-3000» будет отправлена на строительство канала Днепр — Кривой Рог, где продолжатся ее испытания в производственных условиях. А затем начнется серийный выпуск новой машины. Ведь ее с нетерпением ждут в Голодной степи и в Кара-Кумах, в Казахстане и в Сибири, на Волге и Днепре — на многих стройках семилетки.

По своей эффективности «ЗФМ-3000» значительно превзойдет все существующие как в СССР, так и за рубежом образцы землеройного оборудования.

Создав первую в мире землеройно-фрезерную машину, мы еще в одной отрасли техники опередили западные страны, в том числе и США. Это — новое свидетельство неуклонного технического прогресса советской индустрии.

От имени всех рабочих и специалистов, участвовавших в создании «ЗФМ-3000», мы рады сообщить об этом нашем коллективном подарке XXI съезду КПСС.

Инженеры Гидропроекта: М. КРИВСКИЙ, В. СОБОЛЕВ, И. НЕХОРОШЕВ, А. САФРОНОВ, Ю. ИВАНОВ

Машина «ЗФМ-3000» проходит испытания на Воронежском заводе имени Коминтерна.

Ученые на борту «Северянки» обсуждают план похода.
Фото М. Редькина.

Два подводных рейса

Уже два рейса в Баренцово море и Атлантику провела научно-исследовательская подводная лодка «Северянка».

Первый пробный рейс. Лодка погружается. Находящиеся на ее борту ученые прильнули к приборам. Подводный телевизор позволяет вести зрительные наблюдения прямо по курсу — впереди лодки. Эхолоты, направленные вверх и вниз, регистрируют косяки рыб над и под кораблем. С помощью гидролокатора скопление рыб можно записывать на ленте. Кроме акустических приборов — «ушей», у лодки есть и «глаза». Вечную мглу океанской ночи прорезают электрические лучи, и сквозь три иллюминатора лодки (один сверху, два по бокам) перед учеными открывается картина подводного мира.

Сразу же бросаются в глаза некоторые особенности жизни океана, определенные условия, присущие различным организмам.

Морские ангелы — изящные существа, с виду похожие на красные китайские фонарики,— любят холодную воду. Гребневики, которыми питается треска, предпочитают места потеплей.

С помощью приборов, которыми оснащена «Северянка» можно на различных глубинах измерять температуру, соленость, радиоактивность воды, степень насыщения ее кислородом, определять скорость течения.

В первом пробном рейсе «Северянка» несколько раз опускалась на грунт. Перед глазами исследователей проплывали мальки различных рыб, медузы, рачки.

После этого рейса, который выявил огромные возможности подводных исследований для нужд рыбного промысла. «Северянка» вновь отправилась в океан, на этот раз значительно дальше от родных берегов.

Несмотря на сильный шторм, научно-исследовательские работы велись непрерывно. Ученым удалось получить новые интересные сведения о поведении сельди, что в будущем поможет отыскивать косяки на различных глубинах. Свой второй поход моряки и научные работники «Северянки» посвятили XXI съезду партии.

О. КИСЕЛЕВ, старший научный сотрудник,

В. КРУПИН, специальный корреспондент «Огонька»

ПОЧТА НА ПОЛЮСАХ

На дрейфующих научных станциях «Северный полюс-6» и «Северный полюс-7» имеются самые северные в мире почтовые отделения. Обязанности почтовых работников обычно выполняют радисты станции. Отделения снабжены квитанционной книжкой и почтовым штемпелем, выданным Московским почтамтом. Марки с таким штемпелем украсили бы альбом любого филателиста. Недаром из всех стран мира на «СП-6» и «СП-7» идут письма с просьбой «погасить» марку почтовым штемпелем дрейфующей станции.

На советской антарктической базе в Мирном также есть почтовое отделение, но оно обменивает почту только тогда, когда приходят корабли. А на северных дрейфующих станциях самолеты бывают почти каждый месяц.

П. СМИРНОВ

Форель под Москвой

Много в нашей стране больших и малых рек, но редко где встретишь форель, которая, как известно, любит холодную, чистую, быстротекущую воду. Тем более удивительно видеть эту «королеву рыб» в небольшой подмосковной речке, которая петляет по живописной пойме близ селения Верескино.

Здесь плотина преградила путь водам реки Сходни. Образовался головной пруд с водным зеркалом в 40 гектаров. Отсюда вода по каналам поступает в систему искусственных прудов.

Обходим пруды вместе с рыбоводом Любовью Ивановной Леонтьевой. Пруды покрылись льдом. Форели нигде не видно. Но вот опущена на дно сеть, брошена прикормка. Ждем: подойдет ли рыба? Минута, другая — и вот в быстро вынутой «подъемке» трепещутся десятка два серебристо-пятнистых рыбок. Вот она, подмосковная форель!

— Это сеголетки — рыбки, родившиеся минувшим летом,— объясняет Любовь Ивановна.— Их сейчас выращивается сорок пять тысяч штук. Маленькие форели чувствуют себя в сходненских водах превосходно. Им всего хватает: и корма и кислорода. Рыбки быстро прибавляют в весе.

В. БОРОНИН

Л. И. Леонтьева проверяет, насколько выросли сеголетки.
Фото Л. Алексеева.

Проникновенный образ русского ученого, патриота, мыслителя создает артист МХАТа Ю. Кольцов в роли К. Э. Циолковского.
Фото М. Яковича.

ЧЕЛОВЕК С ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

В дни великих свершений, когда осуществилась мечта человечества, когда советские люди послали в космос первый искусственный спутник Солнца, на экраны страны выходит новый фильм — «Человек с планеты Земля». Эта картина посвящена великому русскому космонавту Константину Эдуардовичу Циолковскому.

Зрители кинофильма увидят, какой была прежняя Калуга — город купцов и лавочников, богомольцев и мещан. В этом городе, каких много было на Руси, Константин Эдуардович Циолковский служил учителем в реальном училище.

Только на уроках да в бесчисленных опытах скромный учитель физики находил выход своим мыслям и мечтам. Они оживают перед нами, его дерзновенные мечты. Ученый работает, не зная отдыха, с огромной настойчивостью. Но все его проекты, все обращения в правительственные учреждения Санкт-Петербурга остаются без ответа или получают отказ.

И все это происходит тогда, когда в жизнь уже входят летательные аппараты. Известность получают иностранные летчики, предприниматели. А русский самородок-ученый работает по-прежнему в одиночестве, без признания. Модели и расчеты дирижаблей Циолковского остаются достоянием его бедной мастерской и архивов императорских канцелярий. Царские чиновники считают просто одержимым великого ученого, еще в 1903 году положившего начало новой отрасли науки — космонавтике.

Но вот пришел великий Октябрь. И с ним наступила, наконец, новая эра в жизни Циолковского. Он поселился в большом, просторном доме, получил необходимые средства для своей работы. Фильм показывает нам состарившегося ученого, который еще более напряженно трудится, стремясь остаток дней своих отдать Родине и народу, партии, которая преобразует мир, осуществляет невиданно смелые замыслы, строит будущее.

Таким и предстает Циолковский в фильме — человеком, устремленным в будущее. Мысль человека с планеты Земля не знает преград даже в необозримых и таинственных пространствах космоса...

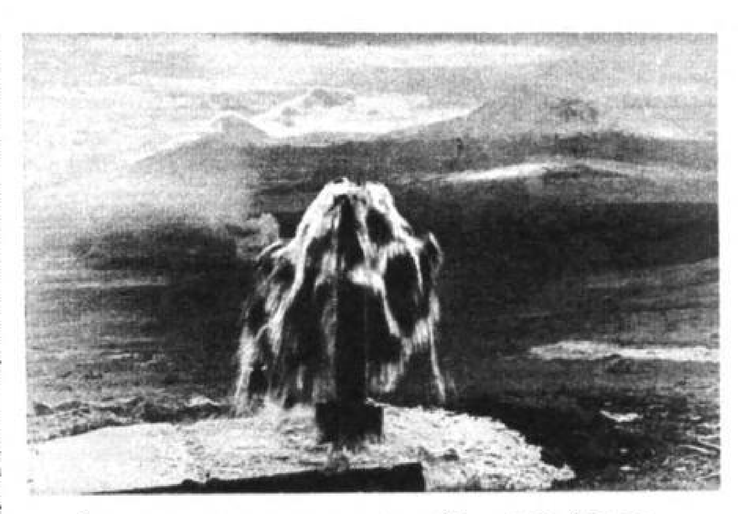
Фильм «Человек с планеты Земля» поставлен на киностудии имени М. Горького по сценарию В. Ежова и В. Соловьева.

Творческий коллектив во главе с режиссером-постановщиком Б. Бунеевым, главным оператором М. Пилихиной и художником Б. Дуленковым тщательно изучил труды К. Э. Циолковского, познакомился с жизнью ученого, с воспоминаниями о нем, которыми и сейчас полна Калуга.

Дочь ученого Мария Константиновна много рассказывала об отце, об отношении к нему окружающих, о его поразительной трудоспособности. Часто, придя из училища, Циолковский в пальто, не успев раздеться, бросался к начатым накануне опытам, или, проснувшись ночью, садился проверять блеснувшую догадку сложными расчетами. И по-детски искренне радовался, когда получался нужный результат.

Артист МХАТа Ю. Кольцов радует большим внешним и внутренним сходством с К. Э. Циолковским. Очень искренне играют в фильме и остальные актеры.

К. ВЕНЦ

Фонтанирующая скважина в районе села Арарат.

Драгоценные воды

Может ли быть вода... полезным ископаемым? Оказывается, может. И на поиски ее в далекие походы уходят экспедиции. Конечно, геологи ищут не обычную воду: на поверхности земли тысячи рек и озер, моря и океаны. В данном случае ученых интересуют под землей горячие подземные, так называемые термальные воды.

Теплотворная способность горячих источников огромна. Одна средних размеров скважина дает столько тепла, сколько можно получить, сжигая десятки тысяч тонн каменного угля, древесного топлива или торфа.

Температура некоторых термальных вод часто превышает 100 градусов. Скважины, пробуренные в районе Махачкалы, уже позволили частично теплофицировать город. А на курортах Горячий ключ и Талая на Колыме, Кульдур в Хабаровском крае, во многих местах Дагестана и Камчатки подземной горячей водой обогревают парники и теплицы. Огромную пользу могут принести термальные воды Армении.

Термальные воды не только источник тепла. Они содержат многие ценные элементы. На источниках горячей воды работают йодобромные заводы; из термальных источников некоторых нефтяных месторождений извлекают радий.

За последние годы гидрогеологи обнаружили термальные воды, обладающие прекрасными лечебными свойствами, в Казахстане, в Сибири, на Дальнем Востоке и в республиках Средней Азии.

А. ДЕНИСОВ

Первоуральск, улица Ватутина...

Заметки счетчика переписи

В Первоуральске прямые и широкие улицы упираются в густой бор. Невырубленные сосны растут тут и там во дворах, среди многоэтажных зданий. И в облике города и в повадках жителей его повсюду ощущение молодости, свежести, новоселья.

В первый день Всесоюзной переписи населения в 8 часов утра вхожу с переписными листами в Дом молодежи Ново-Трубного завода. Тишина. Те, кому в первую смену, уже ушли, остальные, кажется, спят. В коридоре встречается скуластый парень спортивного вида.

— Запишите меня первым. Виктор Назаренко, мастер по сварке, ведет в свою комнату, чуть прихрамывая (растяжение связок—случается и такая беда с заядлыми лыжниками!). В прошлом году Виктор окончил институт. В его комнате на столе, на тумбочке — всюду книги. Тут и «Шагреневая кожа» Бальзака, и журнал «Электросварочное производство», и технические справочники, и «История русской музыки»...

— Вы извините, может, я у вас порядок обхода спутал, но мне скоро уходить в поликлинику... Так уж запишите, чтоб потом меня не искать,— смущенно оправдывается Назаренко.

Почти в каждой комнате кто-нибудь сидит над раскрытой книгой, пишет в тетради. И в графе 10-й переписного листа я часто записываю: «Образование — среднее, общее», а в 11-й графе все чаще упоминаются такие учебные заведения, как «Вечерний металлургический техникум» или «Заочное отделение Уральского политехнического института».

Соседний дом на той же улице Ватутина зовут в просторечии «Детским миром» — по магазину, расположенному в первом этаже. Горожане не прочь прихвастнуть:

— Наш «Детский мир» открыт раньше, чем в Свердловске, и даже раньше, чем в Москве.

А дому-то этому всего четыре года, хотя это одно из самых старых зданий на улице. Мальчишки помнят, как собирали здесь грибы, землянику.

— Сейчас, поди, хуже стало? По грибы, по ягоды дальше ходить?

— Нет, зачем? Наоборот, ближе. Мы сюда, к лесу, из бараков переехали.

Но один паренек все же добавляет со вздохом:

— Отец теперь на работу на автобусе ездит, до завода не проводишь, как раньше бывало.

Квартира № 22. Глава семьи Александр Васильевич Чертищев — газовщик. Старший сын его, Владимир,— вальцовщик, заочник института, будущий инженер. Только что женился. Валя, жена Владимира, работает резчицей. Второй сын Александра Васильевича, Анатолий,— шофер, третий—Геннадий—учится в 9-м классе, четвертый — Виктор — в пятом...

Школьники настороженно следят за каждой строкой, заполняемой счетчиком в переписном листе. Когда под их именами в графе «общественная группа» появляется «рабочий», ребята сияют, счастливо перемигиваются.

Ответив на все вопросы, Александр Васильевич не прочь потолковать о том, о сем.

— Жаль, биографию не записываете. А ведь было бы что рассказать. Я, например, сюда из Сибири приехал в тридцать первом. Помню, как деревянные дома здесь строили, а теперь вот ломаем их, каменные ставим...

В 30-й квартире нас встречает Евгений Артемов, работающий в заводском депо.

Оказывается, он член сборной хоккейной команды уральцев, играющих по классу «А», и только недавно вернулся из Хабаровска с очередных соревнований.

Вечер. В боковой комнате 31-й квартиры накурено. На столе чертежи, счетная линейка, конспекты.

Александр Арсеньевич Лавренев сидит над дипломной работой. Он заканчивает заводской техникум. Вид усталый, но глаза весело поблескивают.

— Эх, пришли бы вы ко мне годиком позднее! — шутит Лавренев.— А пока придется писать: «образование семилетнее»...

Но, заглянув в переписной лист, он успокаивается:

— Впрочем, тут и об учебе графа есть. Ну, тогда все в порядке.

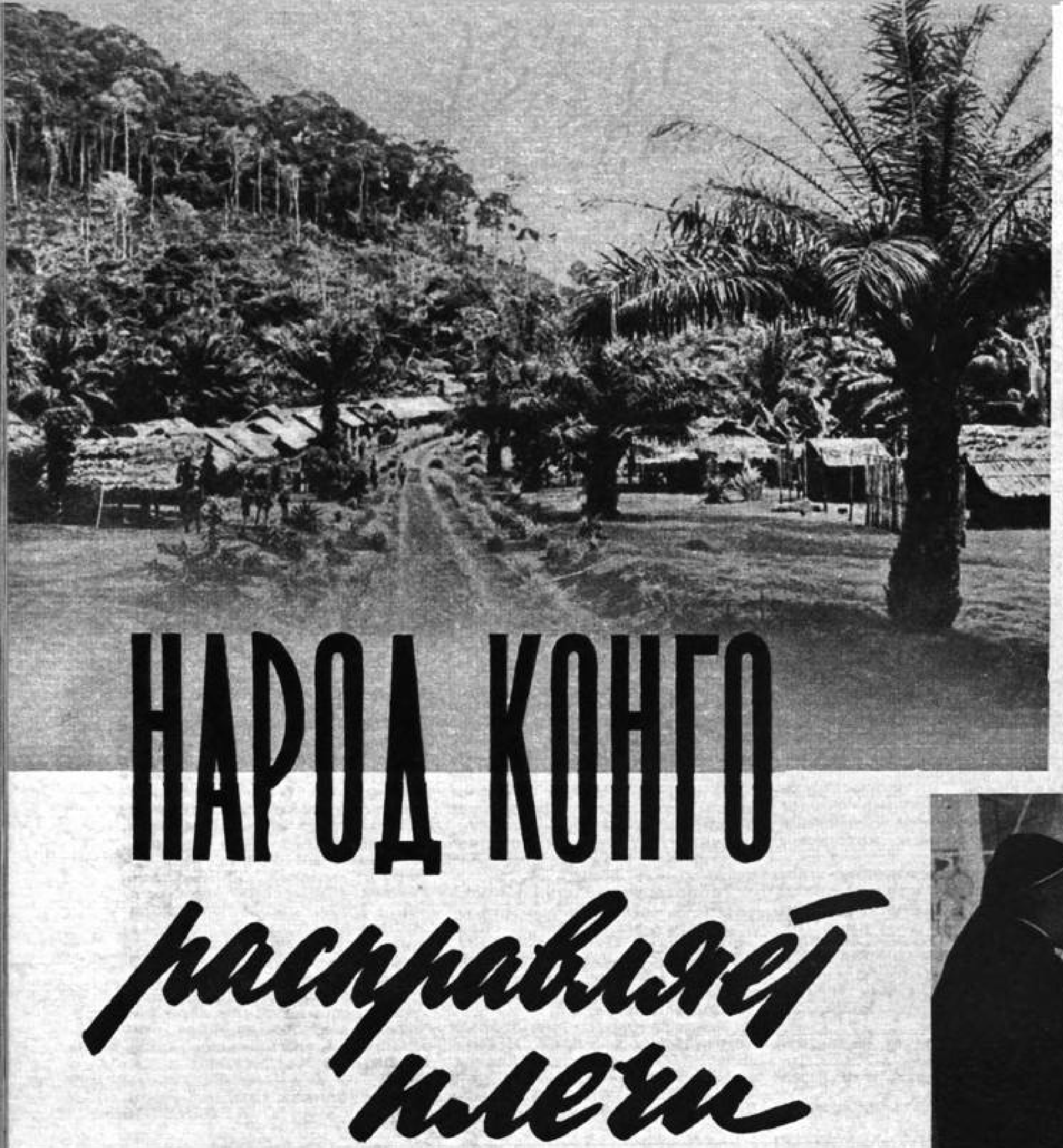
Всюду в квартирах первоуральцев чисто, уютно. Всюду счетчиков встречают приветливые люди.

Незадолго до переписи 1939 года городская газета писала, что в начале первой пятилетки в Первоуральске было 2 229 жилых домов, а стало — 3 785.

Теперь же, в одном только 1958 году, первоуральцы получили более 20 тысяч квадратных метров жилья. На одной лишь улице Ватутина сегодня больше жителей, чем было тогда, двадцать лет назад, во всем социалистическом городе.

В. ОЧЕРЕТИН,
специальный корреспондент «Огонька».

Фото И. Тюфякова.

НАРОД КОНГО *расправляет плечи*

Б. САВОСТЬЯНОВ

Беспредельная ширь саванн, плавное течение рек, несущих свои воды сквозь непроходимые чащи тропических лесов, белые африканские города, тихие сельские поселения...

Это — Конго, «образцовая колония» Бельгии. Именно так рекламировали эту страну западные газеты. Они даже видели в ней «символ» нового, более «современного» подхода к колониальной проблеме. Сколько комплиментов получили от газетчиков бельгийские колониальные власти, которые «добровольно» взвалили на свои плечи тяжкий груз «цивилизаторской миссии» и пятьдесят лет насаждают европейскую культуру в Конго!..

И вдруг... идиллическую тишину патриархальной колонии разорвали треск пулеметов, залпы пушек, стоны...

Что же случилось?

Десятки лет миллиарды франков, политых кровью и потом конголезцев, текли в сейфы бельгийских и американских монополий. По свидетельству французского еженедельника «Перспектив экономик», их ежегодная прибыль составляла 80 миллионов фунтов стерлингов.

А что получил за эти десятилетия народ Конго, исконный хозяин несметных богатств: залежей меди, кобальта, золота, алмазов, урана?

Перед нами богато изданный фотоальбом. Он называется «Вчера и сегодня Конго». Переворачиваем страницу, другую, третью — и становится ясным нехитрый прием пропагандистов: налево — «вчера», направо — «сегодня». Налево — жалкие хибарки «туземной» деревни, быт чуть ли не каменного века; направо — прямые белые улицы Леопольдвиля. Налево — «туземный» знахарь, варварским способом врачующий больного ребенка, направо — врач-конголезец, прижимающий стетоскоп к груди земляка. Налево — «плохо», направо — «хорошо».

Все просто, ясно, как божий день!

Но эта фотоидиллия рассеивается при первом же соприкосновении с реальной жизнью. То, что в альбоме изображено как «вчера», на деле по-прежнему остается трагическим «сегодня» для миллионов конголезцев.

Конечно, в Конго есть и сверкающие на солнце белые

«Живые экспонаты» — конголезцы на Всемирной выставке в Брюсселе.

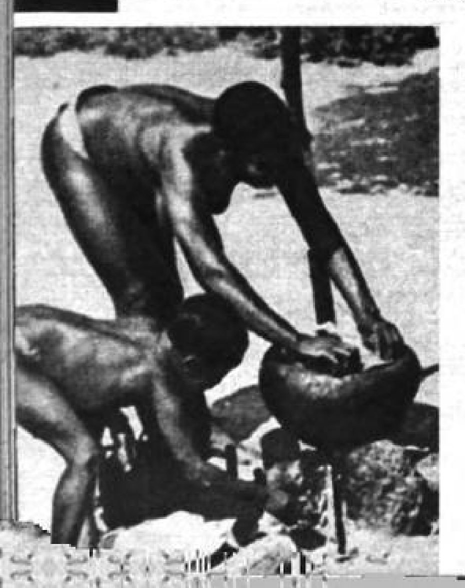
YESTERDAY

TODAY

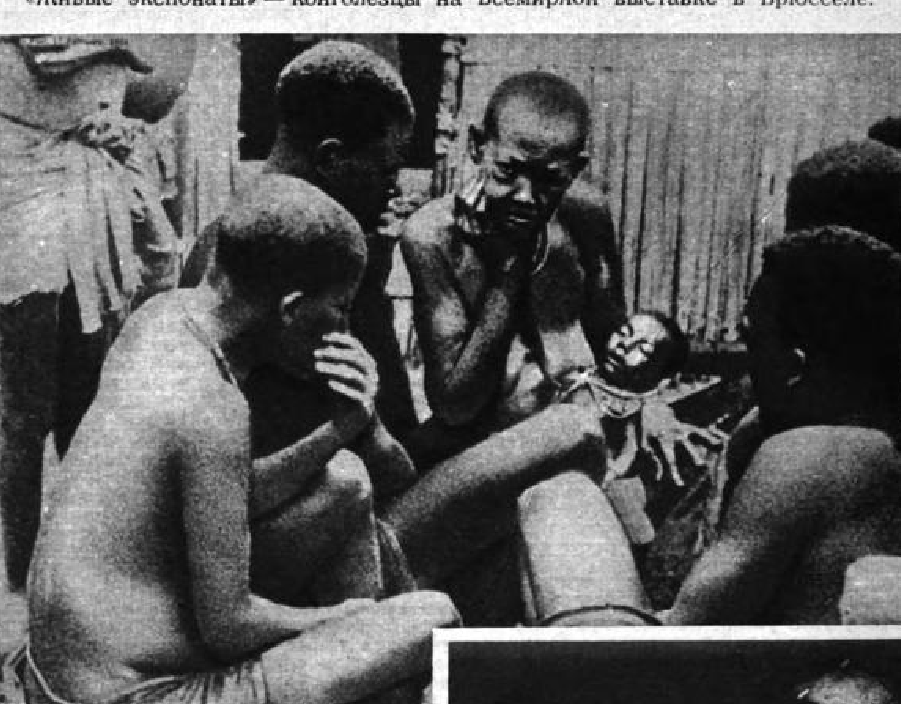

Вот что колонизаторы выдают за вчерашний день Конго; но такая жизнь — сегодняшний день миллионов жителей этой колонии.

(Слева вверху — обложка пропагандистского альбома «Вчера и сегодня»).

Эта сцена лечения ребенка знахарем «противопоставляется» приему у врача-конголезца. Но пропагандистский трюк опровергается статистическими данными: на все Конго имеется лишь несколько сот врачей, да и те обслуживают в основном буржуазию и чиновничество.

улицы, выстроенные в современном стиле. Но они для ничтожного меньшинства, для европейцев, живущих в стране. А в «туземных» кварталах Леопольдвиля скученность, беспросветная нищета, эпидемии.

Да, найдется в Конго и некоторое число врачей-конголезцев. Но что может значить этот «козырь» составителей альбома по сравнению с ужасающей действительностью! Вот убийственные цифры: за время господства бельгийцев африканское население Конго уменьшилось с двадцати миллионов до тринадцати!

Откуда может народ Конго черпать для себя кадры врачей, учителей, если даже английская консервативная газета «Дейли телеграф» бросает властям Бельгийского Конго упрек в том, что в стране всего 250 студентов, то есть по одному на каждые 52 тысячи населения?!

На Всемирной выставке в Брюсселе бельгийские колонизаторы попытались проделать тот же трюк, что и в упомянутом выше альбоме. В павильоне «Бельгийское Конго» за стекло были посажены специально принаряженные «живые экспонаты» из Конго. Они должны были, по замыслам устроителей выставки, пробудить в сердцах посетителей восторг и умиление. Увы, эффект получился обратным. Видя это надругательство над человеческим достоинством, посетители открыто выражали свое возмущение.

Эмансипация? Независимость? Нет, это не входит в планы колонизаторов. Это было бы опасно для доходов американских, английских и бельгийских компаний. Ведь каторжные условия работы конголезцев на урановых, медных и алмазных рудниках и нищенская плата (в 10—20 раз меньше, чем получают шахтеры Европы) дают сказочные прибыли владельцам. Вот почему католическая газета «Либр Бельжик» категорически заявляет, что о независимости не может быть и речи, можно говорить лишь о «логическом продолжении того, что делалось до сих пор».

Да, «логическим продолжением» явился расстрел мирной демонстрации в Леопольдвиле 4 января. 32 убитых и 80 раненых негров — эти цифры должны были устрашить население. Но народ ответил на кровавую расправу баррикадами на улицах Леопольдвиля. Поднялось население соседних городов и деревень.

На помощь полиции были подтянуты регулярные войска с военной базы в Камине, из Европы на самолетах были срочно переброшены парашютисты. Начались массовые облавы и аресты. Сотни конголезцев были брошены в тюрьмы. По сообщению английского журнала «Спектейтор», во время «столкновений» местного населения с полицией было убито до 1 500 африканцев.

...Неспокойно в Леопольдвиле и в других городах Конго. Днем и ночью ходят патрули под окнами европейцев, охраняя сон колонизаторов. Полиция то и дело «прочесывает» африканские кварталы. Продолжаются насилия, аресты, расстрелы.

Колонизаторы лихорадочно ищут новые пути и средства для продолжения старой политики. Уже состряпана куцая программа «новых реформ». Но никакие половинчатые меры, лживые обещания не остановят народ, решивший совершить важный шаг в своей истории — сбросить иго колониализма.

За время господства бельгийских колонизаторов от голода и болезней население Конго сократилось на семь миллионов человек.

Леопольдвиль. После расстрела демонстрации народ продолжал оставаться на улице. Военная полиция охраняет европейскую часть города.

Собрание культурной организации АБАКО (Ассоциация Бельгийского Конго), созванное утром 4 января в Леопольдвиле, вылилось в мощную демонстрацию.

Миниатюрное садоводство

Нередко приходится слышать, что выращивать декоративные и плодовые растения в городах трудно из-за отсутствия земельных участков.

В Китае издавна существует своеобразная культура карликовых древесных растений. Они разводятся на крохотных площадках, в горшках и плошках, размещенных на небольших дворах, балконах, верандах и окнах. Такие растения легко переставлять с одного места на другое и комбинировать в различные группы. Чем меньше почвы, тем больше требуется искусства для выращивания растения.

В горшках или кадках не всегда размещается по одному растению, как это принято у нас. Нередко в низких и широких плошках создаются миниатюрные пейзажи, копирующие участки естественных ландшафтов. Распространены лесные и горные миниатюрные пейзажи. Горные пейзажи устраивают из кусков камней, воссоздавая перспективу гор с их утесами и обрывами. Пейзажи оживляются глиняными хижинами, беседками и мостиками, размеры которых воспроизводятся в соответствующих масштабах. Иногда специальной обрезкой деревьям в кадках придают контуры зверей, птиц, шаров и так далее.

Ежегодно в Пекине и других городах лучшие образцы карликовых деревьев и миниатюрных пейзажей демонстрируются на осенних выставках цветов, привлекающих много посетителей. На приведенном снимке изображен садик в небольших вазах и рюмках на окне одного писателя в городе Сучжоу.

Профессор
А. П. ДРАГАВЦЕВ

СНЕЖНЫЙ СЛОН

Вот какой снежный слон появился в одном подмосковном дворе! Его слепила инженер Л. И. Разина. Много радости доставляет он детям, которые принимали самое деятельное участие в его «постройке».

Т. НИКОЛАЕВА

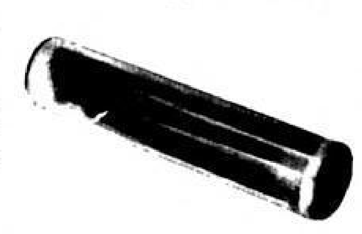
СО ДНА ОКЕАНА

Советские и иностранные корреспонденты, в числе которых были представители Китая, Болгарии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, ГДР, Италии, Франции, Швеции и Югославии, совершили большое путешествие по Арктике на самолетах полярной авиации. Журналисты побывали в Игарке, Дудинке, на острове Диксон, на полярных станциях.

В память о посещении дрейфующей станции «Северный полюс-7» начальник станции кандидат географических наук Н. Белов подарил каждому журналисту пробу грунта, который в их присутствии был извлечен геологами со дна Северного Ледовитого океана, с глубины 1 907 метров. В это время станция находилась над хребтом Ломоносова.

Один из памятных сувениров запечатлен на снимке.

Д. СМИРНОВ

Английские пословицы и поговорки

Если хочешь, чтобы курица неслась, ты должен терпеть ее кудахтанье.

Гусиное перо опаснее львиной лапы.

Самый верный друг — это друг в нужде.

Каждый может управлять кораблем при хорошей погоде.

Самый громкий барабан не содержит в себе ничего, кроме воздуха.

Если хочешь знать, что такое деньги, попробуй занять у кого-нибудь.

Не всякая пара — чета.

Перевел П. ОХРИМЕНКО.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Тригонометрическая функция. 5. Озеро в Армении. 8. Один из древнейших городов Кореи. 9. Распространенная игра. 12. Витая булка. 13. Актерский состав театра. 15. Государство, расположенное на островах. 17. Взаимное расположение предметов. 18. Создатель нового, неизвестного прежде. 21. Испанский танец. 23. Холодное оружие в древней Руси. 25. Созвездие. 26. Инструмент для извлечения из скважины бурильных труб. 27. Героиня романа А. Фадеева «Молодая гвардия». 28. Техническая ткань. 29. Подвой для прививки.

По вертикали:

1. Финский композитор. 2. Роман И. С. Тургенева. 4. Сельскохозяйственная машина. 5. Небольшая научная работа. 6. Осьминог. 7. Накатанная колея. 10. Вагон-холодильник. 11. Неизменяемая форма глагола. 14. Работник аптеки. 16. Простор, раздолье. 19. Предшественник фортепьяно. 20. Наиболее распространенный элемент на Земле. 21. Исследователь островов Тихого океана. 22. Продольные нити в ткани. 23. Вид боеприпасов. 24. Приток Лены.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

5. «Шицзин». 6. Ворона. 10. Вертикал. 11. Альманах. 12. Виола. 13. Окись. 14. «Пышка». 17. Интерпретация. 18. Повествование. 23. Гагат. 24. Мюрат. 25. Аврал. 28. Пирожное. 29. Интернат. 30. Оливин. 31. Пехота.

По вертикали:

1. Ацетилен. 2. Кинки. 3. Копьё. 4. «Богатыри». 5. Швеция. 7. Аварка. 8. Млекопитающее. 9. Расследование. 15. Резец. 16. Вагай. 19. Оратория. 20. Инверсор. 21. Шапито. 22. Сахара. 26. Унция. 27. Отрез.

ДЕЛА НЕБЕСНЫЕ И... ЗЕМНЫЕ

Рисунки Л. и Ю. Черепановых.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00115. Подписано к печати 21/I 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 5. Заказ 59.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

На строительстве газопровода Карадаг — Тбилиси — Ереван. Трубоукладчик за работой.
Фото М. Фришмана и С. Кулишова.

Цена номера 3 руб.